

Пески времени

Автор:

Сидни Шелдон

Пески времени

Сидни Шелдон

Дочь итальянского мафиозо, скрывающаяся от врагов убитого отца... Красавица с загадочным прошлым... Озорная девчонка с повадками сорванца... Нервная женщина, балансирующая на грани безумия... Они оказались не в том месте и не в то время. Теперь им угрожает гибель. Они бегут – бегут, спасая свои жизни... Но путь к свободе так тернист!

Сидни Шелдон

Пески времени

Sidney Sheldon

THE SANDS OF TIME

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1988

© Перевод, М. В. Жученков, 1992

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Памплона, Испания, 1976

«Если план сорвется, мы все погибнем». В последний раз он снова мысленно прокрутил его в голове, анализируя и проверяя, стараясь обнаружить слабые места. Но не смог найти ни одного. План был дерзким и требовал скрупулезного расчета времени с точностью до долей секунды.

Если он сработает, это будет блестящая победа, достойная великого Эль-Сида. А если провалится...

Поздно терзаться сомнениями, философски рассудил Хайме Миро. Пора действовать.

Хайме Миро слыл легендой, героем среди басков и анафемой для испанского правительства. Он был высокого роста, с волевым умным лицом, мускулистым телом и задумчивыми темными глазами. Видевшие его были склонны преувеличивать его рост, смуглость кожи и жестокость. Он был сложной личностью: реалистом, ясно понимавшим большой перевес противника, и одновременно романтиком, готовым умереть за то, во что верил.

В Памплоне царило безумное оживление, город словно сошел с ума. Было утро праздника – фиесты святого Фермина, – ежегодно проводившегося с 7 по 14 июля. Со всего света в город съезжались тридцать тысяч гостей. Некоторые приехали просто посмотреть на захватывающее дух зрелище бегущих по улице быков, другим хотелось принять в нем участие и, демонстрируя свою храбрость, пробежать перед несущимися животными. Все номера гостиниц были уже давно забронированы, и студенты Наваррского университета располагались на ночлег в подъездах, вестибюлях учреждений, машинах, на городских площадях и даже на улицах и тротуарах города.

Все кафе и гостиницы были заполнены туристами, наблюдавшими за красочными шумными шествиями великанов из папье-маше и слушавшими музыку уличных оркестров. Участники процессии были одеты в лиловые накидки с зелеными, гранатовыми и золотистыми капюшонами. Шествие растекалось по улицам радужными реками. Общий шум и гам дополнялся взрывами

скользивших по проводам вдоль трамвайных путей хлопущек.

Толпы людей собрались посмотреть вечерний бой быков, но самым зрелищным событием был прогон ранним утром по улице быков, которые вечером того же дня будут участвовать в боях.

Накануне за десять минут до полуночи быков вывели из загонов – corrales de gas – на темные улицы нижней части города и погнали по мосту через реку к загонам в конце улицы Санто-Доминго, где оставили на ночь. Утром их выпустят на узкую Санто-Доминго, огражденную на каждом углу деревянными преградами. Добежав до конца улицы, быки попадут в загоны на площади Хемингуэя, где их продержат до начала боев.

Съехавшиеся на праздник были слишком возбуждены, чтобы спать. С полуночи до шести часов утра они пили вино, пели и занимались любовью. На шее тех, кто собирался пробежаться с быками, были повязаны красные шарфы святого Фермина.

Утром без четверти шесть по улицам началось шествие оркестров, игравших зажигательную музыку Наварры. Ровно в семь в воздух взвилась ракета, возвестившая о том, что ворота загона открылись. Людей охватило лихорадочное возбуждение. Через несколько секунд в воздух взлетела вторая ракета, предупреждавшая город о том, что быки побежали.

За этим последовало незабываемое зрелище. Сначала донесся звук слабый, едва различимый, похожий на отдаленный шум ветра, который все усиливался, пока не перешел в грохот копыт внезапно появившихся шести волов и шести огромных быков, каждый весом в тысяча пятьсот фунтов. Они неслись по улице Санто-Доминго со страшной скоростью, словно разогнавшийся поезд. За деревянными баррикадами, сооруженными на каждом перекрестке, толпились сотни возбужденных молодых людей, готовившихся продемонстрировать свою отвагу, выскочив к разъяренным животным.

Быки неслись с дальнего конца Санто-Доминго мимо улиц Лаэстрафета и де Хавьер, мимо аптек, магазинов и овощных базаров к площади Хемингуэя. «Ole!» – кричала ошалевшая толпа. Когда быки приближались, люди отчаянно пытались увернуться от их острых рогов и смертоносных копыт. Внезапное осознание приближавшейся смерти заставляло некоторых участников искать

спасение в подъездах домов и на пожарных лестницах. «Cobardon! Трус!» – неслось им вслед из толпы. Тех, кто, споткнувшись, падал на пути быков, быстро оттаскивали в безопасное место.

За баррикадами, в нескольких футах от разворачивавшегося зрелища, затаив от волнения дыхание, стояли мальчик с дедушкой.

– Ты только посмотри! – восклицал старик. – Magnifico! Великолепно!

Мальчик вздрагивал:

– Tengo miedo, abuelo. Мне страшно.

Старик обнял мальчика:

– Si, Мануэло. Страшно. Но и чудесно. Я однажды тоже бежал с быками. Это ни с чем не сравнимое ощущение. Ты играешь со смертью и чувствуешь себя настоящим мужчиной.

Обычно быки, промчавшись по Санто-Доминго длиной в девятьсот ярдов, через две минуты уже оказывались на площади, и, как только их запирали в загоне, в воздух посылались третья ракета. В этот день третьей ракеты не было из-за происшествия, не случившегося в Памплоне за всю четырехсотлетнюю историю проведения праздника.

Когда животные неслись по узкой улице, полдюжины человек, одетых в яркие праздничные костюмы, сдвинули баррикады, и быки, свернув с огражденной улицы и вырвавшись на свободу, ринулись к центру города. В одно мгновение веселое празднество превратилось в кошмар. Разъяренные животные врезались в толпу остолбеневших зрителей.

Сметенные и растоптанные быками, мальчик с дедушкой погибли одними из первых. Рога безжалостно вонзились в детскую коляску, убив ребенка и сбив с ног его мать, тут же раздавленную насмерть. В воздухе повсюду витала смерть. Животные бросились на беспомощных зрителей, повергая на землю женщин и детей, пронзая своими длинными страшными рогами прохожих, валя торговые палатки, разбивая статуи, сметая все, что, на беду, оказалось на их пути.

Кричавшие от ужаса люди отчаянно пытались укрыться от несших смерть чудовищ.

Неожиданно на пути быков появился ярко-красный грузовик. Повернув, они бросились к нему по улице де Эстрелья, той, что вела к carcel – Памплонской тюрьме.

Тюрьма представляла собой мрачное двухэтажное каменное здание с толстыми решетками на окнах. На каждом из его четырех углов возвышалось по башне, над входом развевался красно-желтый испанский флаг. Каменные ворота вели в маленький дворик. На втором этаже располагались камеры для приговоренных к смертной казни.

Здоровенный охранник с автоматом в форме военной полиции вел по коридору второго этажа тюрьмы священника, облаченного в черную сутану.

Заметив промелькнувшее в глазах священника недоумение при виде оружия, охранник сказал:

– Лишняя предосторожность никогда не помешает, падре. В этих камерах – самые отъявленные подонки.

Охранник подвел священника к металлоискателю, очень похожему на те, что установлены в аэропортах.

– Простите, падре, но таков порядок.

– Конечно, сын мой.

Когда священник стал проходить через кабинку, в коридоре раздался пронзительный визг сирены. Охранник инстинктивно сжал автомат.

Повернувшись, священник улыбнулся.

– Это моя оплошность, – сказал он, снимая тяжелый металлический крест, висевший у него на шее на серебряной цепочке, и протягивая его охраннику.

На этот раз, когда он проходил через кабинку, металлоискатель молчал. Охранник вернул священнику крест, и они вдвоем продолжили свой путь в глубь тюрьмы.

В коридоре стояла невыносимая вонь, исходившая из камер.

Охранника тянуло пофилософствовать:

- Знаете, падре, вы зря теряете здесь время. У этих зверей нет души, которую вы собираетесь спасти.

- И все-таки мы не должны терять надежды, сын мой.

Охранник покачал головой.

- Говорю вам, ворота ада уже распахнуты в ожидании их обоих.

Священник с удивлением взглянул на охранника:

- Обоих? Мне сказали, что исповедаться хотят трое.

Охранник пожал плечами.

- Мы немного сэкономили ваше время. Самора скончался сегодня утром в лазарете. Сердечный приступ.

Они дошли до двух последних камер.

- Пришли, падре.

Охранник отпер одну из дверей и осторожно отошел, пропуская вперед священника. Затем он запер дверь и встал в коридоре, готовый отреагировать на малейший сигнал тревоги.

Священник подошел к человеку, лежавшему на правой койке.

– Как твое имя, сын мой?

– Рикардо Мельядо.

Священник внимательно смотрел на него. Трудно было понять, как выглядел раньше этот человек. Его избитое в кровь лицо было таким опухшим, что глаз почти не было видно.

– Рад, что вы пришли, падре, – произнес заключенный, едва шевеля распухшими губами.

– Долг Церкви спасти тебя, сын мой, – ответил священник.

– Сегодня утром меня повесят?

Священник слегка похлопал его по плечу:

– Тебя приговорили к смертной казни гарротой.

Рикардо Мельядо уставился на него.

– Нет!

– Мне очень жаль. Приказ отдан самим премьер-министром. – Затем священник положил руку на голову заключенного и монотонно начал: – Dime tus pecados...

– Я много грешил в помыслах, деяниях, и я всем сердцем раскаиваюсь в своих грехах, – сказал Рикардо Мельядо.

– Ruego a nuestro Padre celestial para la salvacion de tu alma. En el nombre del Padre, del Hijo y del Espiritu Santo...

Стоя возле камеры, охранник слушал и про себя думал: «Что за пустая трата времени. Господь просто плюнет ему в глаза».

Священник закончил:

– Adios, сын мой. Да примет Господь твою душу с миром.

Священник подошел к двери камеры, и охранник, отперев ее, отступил, наведя автомат на заключенного. Затем, заперев дверь, охранник подошел к соседней камере и открыл ее.

– Он ваш, падре.

Священник вошел во вторую камеру. На лице находившегося там человека тоже были следы жестоких побоев. Священник окинул его внимательным взглядом.

– Как твое имя, сын мой?

– Феликс Карпио.

Это был крепкий бородатый мужчина со свежим синеватым шрамом, видневшимся на щеке сквозь бороду.

– Я не боюсь смерти, падре.

– Это хорошо, сын мой. Никому из нас ее не миновать.

Пока священник выслушивал исповедь Карпио, до здания докатился отдаленный звук, сначала приглушенный, он становился все громче и громче. Это был грохочущий стук копыт, смешавшийся с криками разбегавшейся толпы. Охранник встревоженно прислушивался. Шум быстро приближался.

– Вы бы поторопились, падре. На улице творится что-то неладное.

– Я закончил.

Охранник торопливо открыл камеру. Священник вышел в коридор, и дверь за ним закрылась. У фасада тюрьмы раздался оглушительный грохот. Повернувшись, охранник посмотрел в узкое решетчатое окно.

– Что за шум, черт побери?

– Похоже, что кто-то просит у вас аудиенции, – сказал священник. – Не возражаете, если я возьму у вас это?

– Что «это»?

– Ваше оружие, *por favor*.

Священник подошел вплотную к охраннику, молча снял верхушку висевшего у него на шее креста, обнажая лезвие длинного, зловеще поблескивавшего стилета. Молниеносным движением он ударил охранника кинжалом в грудь.

– Видишь ли, сын мой, – сказал он, забирая автомат из рук умирающего охранника, – Господь и я решили, что тебе больше не понадобится это оружие. *In Nomine Patris*, – произнес Хайме Миро, набожно перекрестившись.

Охранник рухнул на цементный пол. Взяв у него ключи, Хайме Миро поспешно открыл двери обеих камер. Доносившийся с улицы шум становился все громче.

– Скорее, – скомандовал Хайме.

Рикардо Мельядо взял автомат.

– Из тебя получился чертовски хороший священник. Я чуть было на самом деле не поверил.

Он попытался улыбнуться распухшими губами.

– Здорово они над вами поработали. Ничего. Они заплатят за это.

Поддерживая обоих, Хайме помогал им идти по коридору.

– А что с Саморой?

– Охранники забили его до смерти. Мы слышали, как он кричал. Его отнесли в лазарет и сказали, что он умер от сердечного приступа.

Они подошли к запертой железной двери.

– Ждите здесь, – сказал Хайме. Приблизившись к двери, он обратился к стоявшему за ней охраннику: – Я закончил.

Охранник открыл дверь.

– Поторопитесь, падре. На улице какие-то беспорядки...

Ему не суждено было закончить фразу. Нож Хайме вонзился охраннику в грудь, изо рта у него хлынула кровь.

Хайме махнул своим товарищам:

– Пошли.

Феликс Карпио поднял оружие охранника, и они стали спускаться по лестнице. На улице царил хаос. Вокруг носились полицейские, пытаясь понять, что происходит, и справиться с орущей толпой людей, отчаянно стремившихся спрятаться от разъяренных быков. Один из быков, бросившись к фасаду здания, врезался в каменные ворота. Другой терзал тело сбитого с ног охранника.

Во дворе наготове стоял красный грузовик. В этой сумятице почти никто не заметил трех беглецов, а тем, кто и видел, было не до них, поскольку нужно было думать о спасении собственной жизни. Не говоря ни слова, Хайме и его товарищи запрыгнули в кузов грузовика, и он помчался по заполненным людьми улицам, распугивая прохожих.

Местная жандармерия, гражданская гвардия, одетая в зеленую форму и черные лакированные шляпы, тщетно пыталась унять обезумевшую толпу. И вооруженная полиция, размещенная в столицах провинций, тоже была не в силах противостоять этому кошмару.

Отчаянно пытаясь скрыться от разъяренных быков, люди устремлялись во все стороны. Опасность заключалась не столько в быках, сколько в самих людях, которые в стремлении спастись давили друг друга. Старики и женщины, падая, оказывались под ногами бегущей толпы.

Хайме с ужасом смотрел на это жуткое зрелище.

- Мы не рассчитывали, что произойдет такое! - воскликнул он.

Он беспомощно взирал на жестокую бойню и ничего не мог сделать, чтобы остановить ее. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого.

Шум и смятение остались позади, грузовик выехал в окрестности Памплоны и свернул на юг.

- Куда мы едем, Хайме? - спросил Рикардо Мельядо.

- Неподалеку от Торре есть безопасное место. Мы пробудем там до темноты и затем двинемся дальше.

Феликс Карпио морщился от боли.

Хайме Миро сочувственно смотрел на него.

- Мы скоро приедем, мой друг, - тихо сказал он.

Он никак не мог забыть жуткие сцены на улицах Памплоны.

Через полчаса они добрались до маленькой деревушки Торре и, обогнув ее, подъехали к дому, одиноко стоявшему в горах, возвышавшихся за деревней. Хайме помог двум своим товарищам выбраться из кузова грузовика.

- За вами приедут в полночь, - сказал шофер.

- Пусть привезут врача, - ответил Хайме. - Грузовик этот где-нибудь брось.

Втроем они вошли в дом. Это был простой и уютный фермерский домик с камином в гостиной и потолком из бруса. На столе лежала записка. Хайме Миро прочел и улыбнулся ее гостеприимному содержанию: «Mi casa es su casa. Мой дом - твой дом». В баре стояли бутылки с вином. Хайме наполнил стаканы.

- Не знаю, как благодарить тебя, мой друг. За тебя! - сказал Рикардо Мельядо.

- За свободу! - ответил Хайме, поднимая стакан.

В клетке вдруг защebetала канарейка. Подойдя к ней, Хайме какое-то время наблюдал, как она отчаянно махала крылышками. Затем, открыв клетку, он осторожно взял птичку и поднес ее к открытому окну.

- Лети, птичка, - нежно сказал он. - Все живые создания должны быть свободными.

Глава 2

Мадрид

Премьер-министр Леопольдо Мартинес был в ярости. Это был человек маленького роста, в очках, и когда он говорил, то весь трясся.

- Нужно покончить с этим Хайме Миро! - кричал он высоким визгливым голосом. - Вам ясно?

Он гневно смотрел на полдюжины человек, собравшихся в кабинете.

- Целая армия солдат и полицейских не может поймать одного террориста!

Собрание проходило во дворце Монклоа, где премьер-министр жил и работал. Дворец находился в пяти километрах от центра Мадрида на карретера де Галисия - шоссе, не обозначенном на карте. Само здание было из зеленого кирпича с коваными железными балконами, зелеными шторами на окнах и сторожевыми башнями по углам.

День был жарким и сухим, и сквозь окна, насколько хватало глаз, было видно, как от земли поднимались жаркие волны воздуха, похожие на призрачных солдат.

– Вчера Мирó превратил Памплону в поле битвы. – Мартинес ударил кулаком по столу. – Убив двух тюремных охранников, он освободил из тюрьмы двух своих дружков-террористов. Он выпустил быков, из-за которых погибло множество невинных людей.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

Вступив в должность, премьер-министр самоуверенно заявил: «Перво-наперво я покончу с этими сепаратистскими группировками. Мадрид станет великим центром, который объединит страну и превратит андалузцев, басков, каталонцев и галисийцев в испанцев».

Он был опрометчиво оптимистичен. У неистово сражавшихся за свою независимость басков были другие планы, и волны терроризма – взрывы бомб, ограбления банков, демонстрации, организованные ЕТА – Еускадита Аскатасуна, – не стихали.

– Я найду его, – тихо сказал человек, сидевший справа от Мартинеса.

Слова эти принадлежали полковнику Рамону Акоке, возглавлявшему ГОЕ – группу специального назначения, созданную для борьбы с баскскими террористами. Полковнику было за пятьдесят. Он был огромного роста, со шрамом на лице и холодными бесцветными глазами. Во время гражданской войны, будучи молодым офицером, он служил у Франсиско Франко и до сих пор оставался фанатичным приверженцем его философии: «Мы несем ответственность только перед Богом и историей».

Акока был отличным офицером и одним из помощников Франко, пользовавшихся у него наибольшим доверием. Полковник тосковал по железной дисциплине, он был сторонником незамедлительного наказания тех, кто нарушал закон. Он пережил неразбериху гражданской войны, когда националисты, объединившись с монархистами, мятежными генералами, землевладельцами, высшими церковными иерархами и фашистскими фалангистами, воевали с отрядами республиканского правительства, включавшими социалистов, коммунистов, либералов, баскских и каталонских сепаратистов. Это было страшное время разрушений и убийств, безумие, вовлекшее в войну людей и военную технику из дюжины стран и стоившее страшных человеческих потерь. И вот баски вновь воюют и убивают.

Полковник Аока возглавлял группу по борьбе с терроризмом, действовавшую безжалостно и целеустремленно.

Его сотрудники работали без огласки, пользуясь маскировкой, никогда не фотографировались, и имевшаяся на них информация не предавалась огласке во избежание мести террористов.

«Если кто-то и сможет остановить Хайме Миро, то это полковник Аока», – думал премьер-министр. Загвоздка была только в одном: кто сможет остановить полковника Аоку?

Идея поручить руководство операцией полковнику Аоке принадлежала не премьер-министру. Как-то ночью ему позвонили по личному телефону. Он тут же узнал голос.

– Мы очень обеспокоены действиями Хайме Миро и его террористов. Предлагаем вам поставить полковника Аоку во главе ГОЕ. Вам понятно?

– Да. Я немедленно позабочусь об этом.

Связь прервалась.

Голос принадлежал одному из членов ОПУС МУНДО – организации, являвшейся тайным советом, в состав которого входили банкиры, адвокаты, главы крупнейших корпораций и министры правительства. По слухам, организация располагала огромными денежными средствами, но информация об источниках их поступлений и о том, как и на что они расходовались, была тайной. Задавать слишком много вопросов по этому поводу считалось неразумным.

Премьер-министр поставил полковника Аоку во главе группы особого назначения, выполнив данную ему инструкцию. Но этот громила оказался ярким фанатиком. Его ГОЕ установила царство террора. Премьер-министр вспомнил о баскских мятежниках, схваченных людьми Аоки в окрестностях Памплоны. Их осудили и приговорили к повешению. Но именно Аока настоял на том, чтобы их казнили с помощью варварской гарроты – железного обруча со штырем, который, постепенно стягиваясь, ломал жертве позвоночник и разрывал спинной мозг.

Схватить Хайме Миро стало навязчивой идеей полковника Аоки.

– Мне нужна его голова, – сказал Аока. – Как только я отрублю ему голову, баскское движение умрет.

«Это преувеличение», – подумал премьер-министр, хотя не мог не признать, что в этом была немалая доля правды. Хайме Миро был от Бога наделен даром увлекать за собой людей, он был фанатично предан своему делу и потому опасен.

«Однако, – думал премьер-министр, – полковник Аока по-своему не менее опасен».

– Ваше превосходительство, трудно было предположить, что в Памплоне случится такое. – Это был Примо Касадо, генеральный директор службы национальной безопасности. – Хайме Миро, он...

– Я знаю, кто он, – оборвал премьер-министр. – Меня интересует, где он.

Он повернулся к полковнику Аоке.

– Я напал на его след, – сказал полковник. От его голоса в комнате повеяло холодом. – Я бы хотел напомнить вам, ваше превосходительство, что мы боремся не с одним человеком. Против нас все баски. Они снабжают Хайме Миро и его террористов едой, оружием, предоставляют им убежище. Этот человек для них герой. Однако не стоит беспокоиться. Скоро этот герой будет повешен. Конечно, после того как я предам его справедливому суду.

«Не мы, а я. Интересно, заметили ли это остальные. Да, – нервно подумал премьер-министр, – с этим полковником надо будет что-то делать».

Премьер-министр встал:

– На сегодня все, господа.

Поднявшись, все стали уходить, кроме полковника Аоки.

Леопольдо Мартинес принялся расхаживать по кабинету.

– Проклятые баски! Почему им мало быть просто испанцами? Что им еще надо?

– Они жаждут власти, – сказал Аока. – Им нужна автономия, свой язык, свой флаг...

– Ну нет. По крайней мере, пока я занимаю свой пост, этому не бывать. Я им не позволю растаскивать Испанию по кускам. Правительство решает, что они могут иметь и что не могут. Они – лишь толпа, которая...

В кабинет вошел один из его помощников.

– Простите, ваше превосходительство, – сказал он извиняющимся тоном. – Приехал епископ Ибанес.

– Пусть войдет.

Глаза полковника сузились.

– Уверяю вас, что за всем этим стоит Церковь. Пора их проучить.

«На Церковь вообще нельзя полагаться, как показывает вся наша история», – с горечью подумал полковник Аока.

В начале гражданской войны Католическая церковь была на стороне националистов. Папа римский поддерживал генерала Франко и позволял ему заявлять, что Бог на его стороне. Но когда гонениям стали подвергаться баскские церкви, монастыри и священники, Церковь тут же изменила свою позицию.

Церковь потребовала предоставить баскам и каталонцам больше свободы. «Вы должны прекратить казни баскских священников», – заявила она.

Генерал Франко пришел в ярость. Как смеет Церковь указывать правительству?

Началась изнурительная война. Войска Франко нападали на церкви и монастыри, убивали монахов и священников. Епископов сажали под домашний арест, а священники по всей Испании штрафовались правительством за бунтарские проповеди. И только когда Церковь пригрозила Франко отлучением, он прекратил свои нападки на нее.

«Проклятая Церковь! – думал Акока. – После смерти Франко она опять стала всюду совать свой нос».

– Пора показать Церкви, кто управляет Испанией, – сказал он, повернувшись к премьер-министру.

Епископ Кальво Ибанес, тощий и хилый, с облачком белых волос, обрамлявших голову, внимательно посмотрел на присутствовавших в кабинете сквозь стекла своего пенсне.

– Buenas tardes. Добрый вечер.

Полковник Акока почувствовал, как переполнявшее его раздражение готово было выплеснуться наружу. От одного вида духовников его начинало подташнивать. Он считал их иудиными козлами, ведущими своих глупых козлят на бойню.

Епископ стоял, ожидая, когда ему предложат сесть. Но этого не произошло. Его даже не представили полковнику. Ему выказывалось нарочитое пренебрежение.

Премьер-министр взглянул на полковника, предлагая начать ему.

– До нас дошла тревожная информация, – резко заговорил Акока. – Нам сообщили, что баскские мятежники устраивают сборища в католических монастырях. Нам сообщили также, что с позволения Церкви в монастырях хранится оружие повстанцев, – продолжал он стальным голосом. – Помогая врагам Испании, вы сами превращаетесь в ее врагов.

Внимательно посмотрев на него, епископ повернулся к премьер-министру Мартинесу:

– Ваше превосходительство, при всем уважении к вам должен заметить, что все мы – дети Испании. Баски не являются вашими врагами. Все, что они просят, – это свободы...

– Они не просят, – прорычал Акока. – Они требуют! Они разбойничают, грабят банки и убивают полицейских по всей стране. И вы осмеливаетесь говорить, что они нам не враги?

– Я признаю, что непопозволительные эксцессы имели место. Но иногда в борьбе за свою веру...

– Они ни во что не верят, кроме самих себя. Им все равно, что станет с Испанией. Как сказал один из наших великих писателей: «Никого в Испании не заботит общее благо. Каждая сторона преследует свои интересы – и Церковь, и баски, и каталонцы. И всем наплевать на остальных».

Епископ заметил, что полковник Акока несколько исказил высказывание Ортеги-и-Гасета – в оригинале упоминались еще армия и правительство, – но он благоразумно промолчал. Он вновь обратился к премьер-министру в надежде на более конструктивную беседу:

– Ваше превосходительство, Католическая церковь...

Премьер-министр почувствовал, что Акока перестарался.

– Не поймите нас превратно, епископ. В принципе, конечно, правительство полностью поддерживает Католическую церковь.

Полковник Акока не унимался:

– Но мы не можем допустить, чтобы церкви и монастыри использовались против нас. И если баски будут продолжать прятать там оружие и устраивать свои сборища, вам придется отвечать за последствия.

– Я уверен, что полученные вами сведения недостоверны, – спокойно сказал епископ. – Однако я непременно и незамедлительно проверю это.

– Благодарю вас, епископ, – буркнул премьер-министр.

– На этом и порешим.

Премьер-министр Мартинес и полковник Аока подождали, пока епископ уехал.

– Что вы скажете? – спросил Мартинес.

– Ему известно, что происходит.

Премьер-министр вздохнул. «У меня сейчас хватает проблем и без того, чтобы портить отношения еще и с Церковью».

– Если Церковь на стороне басков, то она против нас, – жестко сказал полковник. – Я хотел бы проучить этого епископа, с вашего позволения.

Премьер-министр был поражен фанатизмом, блеснувшим в глазах этого человека.

– А вы действительно располагаете сведениями, что Церковь помогает повстанцам? – спросил он несколько осторожнее.

– Разумеется, ваше превосходительство.

Невозможно было определить, насколько этот человек говорил правду. Премьер-министру было известно, как сильно Аока ненавидел Церковь. «А может, и неплохо было бы поставить Церковь на место при условии, что полковник Аока не переусердствует». Премьер-министр Мартинес стоял задумавшись.

Молчание нарушил Аока:

– Раз Церковь укрывает террористов, значит, Церковь должна быть наказана.

Премьер-министр неохотно кивнул.

– Где думаете начать поиски?

– Вчера Хайме Миро и его людей видели в Авиле. Они, вероятно, скрываются там в местном монастыре.

Премьер-министр принял решение.

– Общайте его! – сказал он.

Это решение послужило началом цепи событий, которые потрясли не только Испанию, но и весь мир.

Глава 3

Авила

Ничто не нарушало тишины, мягкой и спокойной, подобной легкому снегопаду, ласковой, как шепот летнего ветерка, безмолвной, как звезды.

Цистерцианский монастырь строгого послушания располагался у стен Авилы – самого высокогорного города Испании, в 112 километрах от Мадрида. Монастырь был построен как хранилище безмолвия. Устав его был принят в 1601 году и оставался неизменным на протяжении веков: литургия, религиозные обряды, строгое уединение, епитимья и безмолвие. Постоянное безмолвие.

Монастырь представлял собой простое сооружение, состоявшее из группы сложенных из неотесанного камня домов вокруг главного здания с возвышавшейся над ним церковью. Свет, проникавший через открытые арки на центральный дворик, падал на выложенный большими каменными плитами пол, по которому бесшумно скользили монахини. В монастыре было сорок монахинь, они жили в кельях и молились в церкви. Это был один из семи монастырей, сохранившихся в Испании, в то время как сотни других были разрушены гражданской войной, когда Церковь в очередной раз подвергалась гонениям, что уже не раз случалось в Испании на протяжении многих веков.

Жизнь в цистерцианском монастыре строгого послушания была целиком посвящена молитвам. Это было место, где не существовало ни времен года, ни времени как такового, и те, кто попадал сюда, навсегда уединялись от внешнего мира. Цистерцианская жизнь заключалась в созерцании и покаянии, богослужения совершались ежедневно, и уединение было абсолютным и полным.

Все сестры одевались одинаково, и их одежда, как и все в монастыре, была частью вековой символики. Плащ с капюшоном символизировал невинность и простоту; холщовая туника – отказ от мирских забот и смирение; наплечник – небольшой кусок шерстяной ткани, накинутый на плечи, – готовность трудиться. Довершал облачение монахини апостольник – льняное покрывало, накинутое на голову, обрамляющее лицо и складками спускающееся на шею.

В обнесенном стеной монастыре система лестниц и коридоров соединяла между собой трапезную, молельню, кельи и часовню. Повсюду царила атмосфера холодной и чистой пустоты. Решетчатые, с толстым стеклом окна выходили в сад, окруженный высокой стеной. Каждое окно было за железной решеткой и находилось выше уровня глаз, чтобы ничто не отвлекало затворниц. Трапезная была длинной и строгой, ее окна всегда были закрыты ставнями и занавешены. Свечи в старинных подсвечниках бросали причудливые тени на стены и потолок.

В течение четырех столетий ничто не менялось в стенах монастыря, кроме лиц его обитательниц. У сестер не было никаких личных вещей: следуя примеру Христа, они желали быть нищими. И сама церковь была лишена какого-либо убранства, если не считать бесценного креста из чистого золота, подаренного ей много лет назад неким богачем, готовившимся в то время к вступлению в орден. Поскольку этот крест никак не сочетался с общей строгостью обстановки, его хранили в шкафчике трапезной. Над главным престолом церкви висел простой деревянный крест.

Женщины, посвятившие свою жизнь Господу, вместе жили, вместе работали, вместе ели, вместе молились, но никогда не касались друг друга и никогда не произносили ни слова, за исключением тех случаев, когда они слушали литургию или же когда преподобная мать-настоятельница Бетина обращалась к ним в уединении своего кабинета. Но даже там, насколько это было возможно, использовался древний язык жестов.

Преподобной матери уже минуло семьдесят, но у нее было живое лицо, она сохранила бодрость и силы и наслаждалась счастливой и мирной жизнью в монастыре, жизнью, посвященной Господу. Она была ревностной покровительницей своих монахинь и, когда приходилось прибегать к наказаниям, сама испытывала большие страдания, чем наказуемые.

Монахини ходили по коридорам и галереям с опущенными глазами, сложив на груди спрятанные в рукава руки, по многу раз проходя мимо своих сестер, не произнося ни слова и не выказывая никаких знаков внимания. И только звон колоколов нарушал тишину монастыря – звон, который Виктор Гюго называл «оперой колоколен».

Разные дороги привели сюда сестер. Они были из семей аристократов, фермеров, военных... Из разных стран пришли они в монастырь. Богатые и бедные, образованные и невежественные, ничтожные и благородные – все они теперь были равны в глазах Господа, объединенные желанием быть вечными невестами Христа.

В монастыре были спартанские условия жизни. Зимой стоял пронизывающий холод, и бесчувственный бледный свет едва просачивался сквозь свинцово-серые окна. Монахини спали одетыми на соломенных тюфяках, покрытых грубыми шерстяными простынями. У каждой была своя крошечная келья, в которой находились лишь постель и деревянный стул с прямой спинкой. Вместо умывальника в углу кельи на полу стояли маленький глиняный кувшин и таз. Монахиням, за исключением преподобной матери Бетины, запрещалось заходить друг к другу в келью. Все свое время они проводили в работе и молитвах. Для каждой работы – вязания, переплетного дела, ткачества, хлебопечения – было отведено свое место. Восемь часов в день посвящалось молитвам. Помимо основных молитвенных часов были и другие молитвы: благодарения, псалмы и литании.

Предутренние молитвы читались в то время, когда одна часть мира спала, а другая занималась грехом.

За ними на рассвете следовали утренние молитвы, в которых восходящее солнце приветствовалось подобно величественному сияющему лику Христа.

Заутреня была обращением к Господу за благословением на дела насущные.

Терция, посвященная святым Августинем Духу Святому, совершалась в девять часов утра.

Секста – в 11.00 – призывала умерить пыл человеческих страстей.

Но́на читалась про себя в три часа пополудни – в час смерти Христа.

Потом служили вечерню.

И завершался день ночным богослужением – молитвой на исход души, равно как и на отход ко сну, выражавшей преданность и смирение. *Manus tuas, domine, commendo spiritum meum. Redemisti nos, domine, veritatis.*

В то время как во многих религиозных орденах самобичевание было упразднено, в цистерцианских монастырях, как мужских, так и женских, оно по-прежнему сохранялось. По крайней мере раз в неделю, а то и ежедневно монахини истязали свою плоть специальным кнутом двенадцатидюймовой длины, представлявшим собой тонкий воощеный шнур с шестью завязанными узлом хвостами и приносившим страшные мучения. Им стегали себя по спине, бокам и ягодицам. Цистерцианский аббат-отшельник Бернар из Клерво проповедовал: «Тело Христа истерзано... и тела наши должны быть подобны израненному телу Господню».

Жизнь в монастыре была еще строже тюремной, и все же его обитатели пребывали в состоянии какой-то самозабвенной радости, которой им не доводилось испытывать в миру. Они отреклись от физической любви, собственности, свободы выбора, но, отказавшись от всего этого, они вместе с тем отреклись и от алчности, соперничества, ненависти, зависти, от всевозможного гнета и искушений, присущих мирской жизни. В стенах монастыря повсюду царил мир и атмосфера неопишуемой радости единения с Богом. И сердца тех, кто жил здесь, были наполнены безмятежным спокойствием. Если монастырь и был похож на тюрьму, то тюрьма эта была в раю Божьем, добровольно выбранная теми, кто пришел сюда, чтобы остаться и познать счастливую вечность.

Сестра Лючия была разбужена звоном монастырского колокола. Вздрогнув, она открыла глаза, некоторое время не понимая, где находится. Маленькая келья, в которой она спала, была погружена в зловещий мрак. Звук колокола извещал о том, что было три часа утра и что начиналась ночная служба, в то время как мир еще спал.

«Проклятие! Эти порядки меня угробят», – подумала сестра Лючия.

Она лежала на своей крошечной неудобной койке, умирая от желания закурить. Потом с трудом заставила себя встать. Тяжелое монашеское облачение, в котором она ходила и спала, терлось о ее нежную кожу, как наждачная бумага. Она вспомнила свои шикарные платья, висевшие в ее квартире в Риме и в замке в Гстааде.

Через стены кельи до сестры Лючии доносился легкий шорох шагов и шуршание одежды собиравшихся в коридоре монахинь. Небрежно заправив постель, она вышла в длинный зал, где уже стояла вереница сестер с опущенными глазами. Они все медленно двинулись к часовне.

«Они похожи на стаю глупых пингвинов», – подумала сестра Лючия. Она была не в состоянии понять, почему эти женщины сознательно поставили крест на своей жизни, отказавшись от секса, красивой одежды и вкусной еды. «Какой смысл жить без всего этого? Да еще эти проклятые порядки!»

Когда сестра Лючия только пришла в монастырь, преподобная мать сказала ей:

– Ты должна ходить с опущенной головой, мелкими шагами, медленно, держа руки под накидкой. Ты никогда не должна встречаться глазами ни с кем из сестер и даже смотреть на них. Тебе не разрешается говорить. Твои уши должны внимать только словам Господа.

– Да, преподобная мать.

В течение следующего месяца Лючия получала наставления:

– Сюда приходят не за тем, чтобы объединяться с другими, а за тем, чтобы уединиться с Господом. Для союза с Господом необходимо душевное

одинокчество. Оно охраняется правилами безмолвия.

- Да, преподобная мать.

- Первое, чему ты должна научиться, – это как исправить свою жизнь, отделаться от старых привычек и мирских интересов, стереть все образы прошлого. Ты должна будешь принести очищающее покаяние и совершить усмирение плоти для того, чтобы изгнать из себя своеволие и себялюбие. Одного раскаяния в наших прошлых проступках недостаточно. Когда нам открывается безграничная красота и святость Господа, мы хотим искупить не только наши собственные грехи, но и все грехи, когда-либо совершенные.

- Да, святейшая.

- Ты должна бороться с чувственностью, названной Иоанном Крестителем «мраком чувств».

- Да, святейшая.

- Монахиня живет в безмолвии и одиночестве, словно уже попав в Царство Небесное. В этом чистом абсолютном безмолвии, которого жаждет каждая монахиня, она может внимать безграничной тишине и познать Господа.

В конце первого месяца жизни в монастыре Лючия приняла монашество. В этот день ей остригли волосы. Эта процедура оставила у нее тягостные воспоминания. Стригла сама преподобная мать-настоятельница. Она вызвала Лючию к себе и жестом предложила сесть, затем зашла сзади, и не успевшая сообразить, что происходит, Лючия услышала щелканье ножниц и почувствовала, как что-то дергает ее за волосы. Она начала было протестовать, но вдруг поняла, что это еще больше изменит ее внешность. «Потом я всегда смогу их отрастить, а пока похожу ошипанной курицей», – подумала Лючия.

Вернувшись в отведенную ей мрачную клетушку, она сказала про себя: «Это место напоминает мне змеиную нору». Пол был дощатым. Большую часть пространства занимали жесткий стул и койка. Ей страшно хотелось почитать какую-нибудь газетенку. «Найдешь ее здесь», – подумала Лючия. Здесь никогда

и не слышали про газеты, не говоря уже о телевидении и радио. Связь с внешним миром полностью отсутствовала.

Но больше всего Лючию раздражало противоестественное безмолвие. Единственным способом общения были изображаемые руками знаки, и необходимость их запоминать приводила ее в бешенство. Когда нужен был веник, ее учили, вытянув вперед правую руку, водить ею справа налево, будто подметая. Когда преподобная мать была чем-то недовольна, она трижды соединяла перед собой мизинцы обеих рук, прижимая остальные пальцы к ладоням. Когда Лючия медленно делала порученную ей работу, преподобная мать касалась своей правой ладонью левого плеча. Чтобы выразить Лючии свой упрек, она начинала всеми пальцами чесать себе щеку возле правого уха сверху вниз. «Боже мой, – размышляла Лючия, – можно подумать, что у нее вши».

Они уже дошли до часовни. Монахини безмолвно молились, но сестра Лючия думала о чем-то более важном, чем Бог: «Через пару месяцев, когда полиция перестанет меня искать, я сбегу из этого дурдома».

По окончании утренней службы Лючия вместе с другими монахинями направлялась в трапезную, ежедневно тайком нарушая установленные правила тем, что разглядывала их лица. Это было ее единственным развлечением. Ей казалось невероятным даже думать о том, что ни одна из сестер не знала, как выглядят другие.

Лица монахинь ее завораживали. Среди них были и старые, и молодые, и прелестные, и уродливые. Она не могла понять, почему все они казались такими счастливыми. Ее особенно привлекли три лица.

Одно принадлежало сестре Терезе, женщине, которой на вид было за пятьдесят. Она была далеко не красавицей, но присущая ей некая одухотворенность наделяла ее почти сверхъестественным обаянием. Казалось, она постоянно внутренне улыбалась, словно знала какую-то волшебную тайну.

Другой восхищавшей Лючию монахиней была сестра Грасиела, женщина потрясающей красоты, лет тридцати, со смуглой кожей, тонкими чертами лица и большими блестящими черными глазами. «Она могла бы быть кинозвездой, – думала Лючия, – но кто она? Зачем она хоронит себя в этой дыре?»

Третью, вызывавшую у Лючии интерес монахиню – голубоглазую, со светлыми бровями и ресницами, – звали сестра Миган. У нее было свежее открытое лицо, и на вид ей было около тридцати.

«Что она делает здесь? Что все эти женщины делают здесь? Сидят взаперти в этих стенах, в этих крохотных клетушках, едят паршивую еду, молятся по восемь часов, занимаются изнурительной работой, не имея возможности как следует выспаться. Должно быть, они ненормальные, все без исключения».

Ее положение было несравненно лучше, потому что им всем суждено было торчать здесь до конца жизни, а она выберется отсюда через каких-нибудь пару месяцев. «Пусть даже через три, – думала Лючия, – лучше, чем здесь, нигде не спрячешься. Глупо было бы убегать раньше времени. Через несколько месяцев полиция перестанет меня разыскивать. Когда я сбегу отсюда и вырuchu из Швейцарии свои деньги, я, может быть, напишу об этом гиблом месте книгу».

Несколько дней назад преподобная мать послала сестру Люцию в канцелярию за какой-то бумажкой. Воспользовавшись случаем, Лючия решила взглянуть на хранившиеся там документы, и, к несчастью, ее застали «на месте преступления».

«Ты принесешь покаяние самобичеванием», – показала ей знаком настоятельница Бетина.

«Да, святейшая», – тоже знаком ответила ей сестра Лючия, кротко склонив голову.

Она вернулась в свою келью, и минутами позже проходившим по коридору монахиням были слышны страшные удары кнута, со свистом рассекавшего воздух, повторявшиеся вновь и вновь. Они, конечно, не догадывались, что сестра Лючия хлестала постель.

«Возможно, такое «удовольствие» и усмиряет плоть, но только не мою», – думала она.

В трапезной сорок монахинь рассаживались за два длинных стола. Цистерцианская еда была исключительно вегетарианской. Мясо было запрещено, поскольку его жаждала плоть. Задолго до рассвета подавалась чашечка чая или кофе с несколькими сухариками. Прием основной пищи, состоявшей из жиденького супа, горстки овощей и время от времени кусочка какого-нибудь фрукта, происходил в одиннадцать часов дня.

– Мы здесь не для убления собственной плоти, но для убления Господа, – сказала преподобная мать Лючия.

«Даже моя кошка не стала бы есть такой завтрак, – думала сестра Лючия. – Я здесь всего два месяца, а потеряла уже по меньшей мере килограммов пять. Прямо как на курорте, придуманном Богом».

По окончании завтрака две монахини приносили лохани для мытья посуды и устанавливали их на противоположных концах стола. Сидевшие за столом сестры начинали передавать свои тарелки той сестре, возле которой стояла лохань. Вымыв каждую тарелку, она вытирала ее полотенцем и возвращала владелице. Вода от мытья становилась темной и жирной.

«И так они собираются прожить всю жизнь! – с отвращением думала сестра Лючия. – Ну да ладно. Не в моем положении жаловаться. Это уж наверняка лучше, чем пожизненное заключение».

За сигарету она отдала бы все, что угодно, даже свою бессмертную душу.

В полукилометре от тихой обители две дюжины тщательно отобранных из группы специального назначения (ГОЕ) людей во главе с полковником Акою готовились к нападению на монастырь.

Глава 4

Полковник Рамон Аюка обладал охотничьим чутьем. Он обожал погоню, но глубокое внутреннее удовлетворение он получал именно от убийства. Он как-то

признался одному из своих друзей: «Я испытываю оргазм, когда убиваю. Не важно кого: оленя, зайца или человека – от того, что отнимаешь чью-то жизнь, чувствуешь себя Богом».

Акока когда-то начинал служить в военной разведке и вскоре, благодаря своим блестящим способностям, прослыл отличным офицером. Он был умным, бесстрашным и безжалостным и сочетанием этих качеств обратил на себя внимание одного из помощников генерала Франко.

В штаб Франко он попал в чине лейтенанта и меньше чем за три года дослужился до полковника, что было невиданным успехом. Его поставили во главе фалангистов – особой группы, созданной для осуществления террора в отношении противников Франко.

Именно во время войны Акока был приглашен на беседу к одному из членов ОПУС МУНДО.

– Вам следует уяснить, что мы говорим с вами с ведома генерала Франко.

– Да, сеньор.

– Мы наблюдаем за вами, полковник. И у нас создалось благоприятное впечатление о вас.

– Благодарю вас, сеньор.

– Время от времени вам приходится выполнять специальные задания, так сказать, особо секретные. И к тому же весьма опасные.

– Понимаю, сеньор.

– У нас много врагов, особенно среди тех, кто не понимает всей важности выполняемой нами работы.

– Да, сеньор.

– Иногда эти люди нам мешают. Мы не можем этого допустить.

– Конечно, сеньор.

– Я полагаю, что мы можем рассчитывать на такого человека, как вы, полковник. Думаю, мы понимаем друг друга.

– Да, сеньор. Я почту это за честь.

– Мы бы хотели, чтобы вы оставались в армии. Нам это будет весьма удобно. Время от времени мы будем поручать вам особые задания.

– Благодарю вас, сеньор.

– Вы никому не должны рассказывать о нашем разговоре.

– Разумеется, сеньор.

Акока нервничал, глядя на сидевшего за столом человека. Тот внушал ему какой-то непреодолимый страх.

В разное время полковник Акока выполнил для ОПУС МУНДО с полдюжины заданий. Как ему и было сказано, все задания были рискованными и «особо секретными».

Во время выполнения одного из них Акока познакомился с очаровательной девушкой из прекрасной семьи. До этого времени он знал только проституток и лагерных шлюх, с которыми обращался презрительно и жестоко. Некоторые из них, покоренные его силой, искренне влюблялись в него, и с такими он был особенно безжалостен.

Но Сузана Серредилья принадлежала к другому миру. Ее отец преподавал в Мадридском университете, а мать была адвокатом. В семнадцать лет у Сузаны было тело женщины и ангельское лицо мадонны. Рамон Акока никогда не встречал никого похожего на эту женщину-ребенка. Ее трогательная беззащитность пробуждала в нем нежность, на которую, казалось, он был неспособен. Он безумно влюбился в нее, и по причинам, неведомым ни ее

родителям, ни самому Акоке, она ответила ему взаимностью.

Их медовый месяц прошел так, словно Акока до этого не знал ни одной женщины. Безудержное желание обладать женщиной он испытывал не раз, но сочетание любви и страсти было для него чем-то новым.

Через три месяца после свадьбы Сузана сообщила ему, что беременна. Это привело Акоку в неопиcуемый восторг. К этой радости прибавилось и то, что его перевели служить в красивую маленькую деревушку Кастильбланко в Стране Басков. Это было осенью 1936 года, когда борьба между республиканцами и националистами достигла особого накала.

Однажды тихим воскресным утром Рамон Акока со своей молодой женой пили кофе на деревенской площади. Неожиданно на площадь стали стекаться толпы баскских демонстрантов.

- Тебе лучше уйти домой, - сказал Акока. - Могут возникнуть беспорядки.

- А ты?

- Прошу тебя. Со мной будет все хорошо.

Страсти накалялись.

Рамон Акока с облегчением наблюдал, как его жена, удаляясь от толпы, направлялась к монастырю, расположенному на противоположном конце площади. Но в тот момент, когда она подошла к монастырю, его двери неожиданно распахнулись и оттуда, беспорядочно стреляя, выскочили вооруженные баски. Акока застыл в беспомощном оцепенении, видя, как его жена упала под градом пуль. Именно в тот день он поклялся мстить баскам и Церкви.

И вот он был у стен другого монастыря, в Авиле. «Теперь настал их черед», - решил Акока.

В тиши монастыря в предрассветном полумраке сестра Тереза, крепко сжав в правой руке кнут, отчаянно хлестала им свое тело, чувствуя, как хвосты узлами впивались в кожу, в то время как она безмолвно молила о прощении. Она чуть было не вскрикнула, но, поскольку шум был непозволителен, она подавила в себе крик. «Прости мне, Господи, грехи мои. Будь свидетелем моего наказания, какому и Ты подвергался, смотри на раны на моем теле, подобные тем, что были на Твоем. Ниспошли мне страдание, подобное Твоему».

От боли она чуть не теряла сознание. Ударив себя еще три раза, она мучительно опустилась на койку. Истязать себя до крови не разрешалось. Морщась от боли, причиняемой каждым движением, сестра Тереза уложила кнут в черный чехол и поставила его в угол, где он всегда стоял, постоянно напоминая о том, что за малейший грех нужно расплачиваться мучением.

Грех сестры Терезы заключался в том, что утром она шла по коридору с опущенными глазами и, заворачивая за угол, налетела на сестру Грасиелу и от неожиданности посмотрела ей в лицо. Она тут же доложила о своем грехопадении преподобной матери Бетине. Осуждающе нахмурившись, та показала ей знаком, что проступок заслуживает наказания: соединив большой и указательный пальцы сжатой в кулак правой руки, она трижды провела ею от плеча к плечу.

Лежа на койке, сестра Тереза была не в состоянии изгнать из памяти необыкновенно красивое лицо девушки, на которое она случайно посмотрела. Она знала, что до конца своей жизни ни за что не заговорит с ней и даже вновь не взглянет на нее, так как за малейшие признаки сближения монахинь сурово наказывали. Они жили в атмосфере строгого морального и физического аскетизма, где запрещались любого рода взаимоотношения. Если две сестры, работая бок о бок, казалось, начинали получать удовольствие от своего молчаливого общения, преподобная мать тут же разобщила их. Сестрам также не разрешалось сидеть за столом рядом с одной и той же соседкой два раза подряд. Церковь уклончиво называла проявление дружественного расположения одной монахини к другой «особой дружбой», наказание следовало незамедлительно и было суровым. Сестра Тереза понесла наказание за нарушение этого правила.

И вот, словно издалека, до сестры Терезы донесся колокольный звон. Он казался ей Божьим гласом, осуждавшим ее.

Звуки колокола ворвались в сновидения сестры Грасиелы, спавшей в соседней келье. На нее надвигался Мавр, он был голый, она видела его восставшую мужскую плоть, он уже протягивал к ней руки... Внезапно проснувшись, сестра Грасиела открыла глаза, ее сердце отчаянно колотилось в груди. Она испуганно посмотрела вокруг, но увидела, что была одна в своей крохотной келье, и единственным долетавшим до нее звуком был успокаивающий звон колокола.

Сестра Грасиела опустилась на колени возле койки. «Благодарю Тебя, Господи, за избавление от прошлого. Благодарю Тебя за ту радость, что я испытываю в свете Твоем. Даруй мне, Господи, счастье бытия лишь под кровом Твоим. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. Дай мне облегчить печаль сердца Твоего».

Поднявшись, она тщательно заправила постель и вскоре присоединилась к веренице сестер, бесшумно двигавшихся к часовне на первую утреннюю службу. Она чувствовала привычный запах зажженных свечей и ощущала под обутыми в сандалии ногами отшлифованный временем камень.

Когда сестра Грасиела только попала в монастырь, она не понимала значения сказанного ей настоятельницей: «Монахиня – это женщина, которая, отказываясь от всего, приобретает все». Сестре Грасиеле было тогда четырнадцать лет. Теперь, семнадцать лет спустя, она хорошо понимала смысл того высказывания. Именно в созерцании она все обретала, в созерцании ум единился с душой. Дни были наполнены прекрасным умиротворением.

«Благодарю Тебя за то, что Ты даровал мне забвение, Отец Небесный. Благодарю Тебя за то, что Ты не оставляешь меня. Без Тебя я не смогла бы совладать со страшным прошлым своим... Благодарю Тебя... Благодарю Тебя...»

По окончании предрассветной молитвы монахини возвращались в свои кельи спать до восхода, до следующей службы.

В темноте к монастырю быстро приближался отряд под командованием полковника Рамона Аюки. Подойдя к стенам монастыря, Аюка сказал своим людям:

– Хайме Миро и его мятежники вооружены. Действовать наверняка.

Он посмотрел на монастырские ворота, и на мгновение в его памяти возник тот, другой монастырь, из которого неожиданно выскочили вооруженные баски, и он увидел Сузану, падающую под градом пуль.

- Миро не обязательно брать живым, - сказал он.

Сестра Миган была разбужена тишиной. Это была необычная тишина, тишина, наполненная движением, стремительным порывом воздуха и шелестом тел. До нее донеслись звуки, которых она не слышала на протяжении пятнадцати лет своего пребывания в монастыре. Ее сердце внезапно наполнилось предчувствием того, что произошло что-то ужасное.

Тихо поднявшись в темноте, она открыла дверь своей кельи. Не веря своим глазам она увидела, что весь длинный коридор был заполнен мужчинами. Из кельи настоятельницы появился великан со шрамом на лице. Он тащил преподобную мать за руку. Миган в страхе смотрела на все это. «Это кошмарный сон, - думала она. - Здесь не может быть никаких мужчин».

- Где вы его прячете? - настойчиво спрашивал полковник Аюка.

На лице преподобной матери Бетины застыло выражение ужаса.

- Тише! Вы в храме Божьем. Вы оскверняете его. - Ее голос дрожал. - Вы должны немедленно уйти отсюда.

Еще сильнее сжав ей руку, полковник тряхнул ее:

- Мне нужен Миро, сестра.

Это был не сон.

Начали открываться двери других келий, и оттуда появлялись монахини с полными растерянности лицами. Жизнь в обители не готовила их к такому неожиданному повороту событий.

Оттолкнув преподобную мать, полковник Аока повернулся к одному из своих главных помощников, Патрисио Арриете:

– Обыщите здесь все. Сверху донизу.

Люди Аоки рассыпались по монастырю, врываясь в часовню, трапезную, кельи, поднимая еще спящих монахинь и грубо выталкивая их по коридорам в часовню. Монахини молча повиновались, даже теперь храня данный ими обет безмолвия. Это было похоже на сцену из немого кино.

Людей Аоки переполняло чувство мести. Они все были фалангистами и слишком хорошо помнили, как Церковь отвернулась от них во время гражданской войны, оказывая поддержку оппозиционерам, выступавшим против любимого ими генерала Франко. И вот теперь им представлялась возможность хоть как-то отомстить.

Стойкость и молчание монахинь приводили их в еще большую ярость.

Проходя мимо одной из келий, Аока услышал пронзительный крик. Заглянув туда, он увидел, что один из его людей срывал с монахини одежду. Он прошел мимо.

Сестра Лючия проснулась, разбуженная громкими мужскими голосами. Она подскочила в панике. «Меня нашла полиция, – было первым, что она подумала. – Надо скорее бежать отсюда». Кроме единственных ворот, из монастыря не было другого выхода.

Вскочив на ноги, она выглянула в коридор. Представшая перед ее глазами картина поразила ее. Коридор был заполнен не полицейскими, а вооруженными людьми в штатском, крушившими столы и светильники, оставлявшими повсюду после себя хаос и смятение.

Среди всей этой разрухи стояла преподобная мать Бетина и беззвучно молилась, глядя на то, как оскверняется любимый ею монастырь. Сестра Миган встала рядом с ней, и Лючия подошла к ним:

– Какого чер... Что происходит? Кто это такие?

Это были первые произнесенные ею вслух слова с тех пор, как она пришла в монастырь.

Преподобная мать трижды сунула правую руку под мышку, что означало «прячьтесь».

Лючия с недоумением уставилась на нее.

– Сейчас можно говорить. Бежим отсюда, ради Христа. Именно ради Христа.

К Акоке подбежал Патрисио Арриета:

– Мы все обыскали, полковник. Никаких следов ни Хайме Миро, ни его людей.

– Продолжайте искать, – упрямо проговорил Акока.

Именно тогда преподобная мать и вспомнила о единственном сокровище монастыря. Она торопливо подошла к сестре Терезе и прошептала:

– У меня есть для тебя задание. Вынеси из трапезной золотой крест и передай его монастырю в Мендавии. Ты должна унести его отсюда. Торопись же!

Сестру Терезу била такая сильная дрожь, что тряслись даже фалды ее апостольника. Она в оцепенении уставилась на преподобную мать. Последние тридцать лет своей жизни сестра Тереза провела в монастыре. И мысль о том, что ей придется уйти из него, не укладывалась у нее в голове. Подняв руку, она показала знаком, что не может этого сделать.

Преподобную мать охватило отчаяние.

– Крест не должен попасть в руки этих людей от сатаны, так что сделай это ради Господа.

Глаза сестры Терезы озарились светом. Она гордо выпрямилась и, показав знаком: «Ради Господа», повернулась и поспешила к трапезной.

К ним подошла сестра Грасиела, глядя в растерянности на творившийся вокруг жуткий погром.

Люди Аюки все больше зверели, круша и ломая все, что попадало им под руку. Сам полковник одобрительно наблюдал за происходящим.

– Не знаю, как вы, а я намерена бежать отсюда ко всем чертям, – сказала Лючия, повернувшись к Миган и Грасиеле.

– Вы идете?

Они остолбенело смотрели на нее, не в состоянии что-либо ответить.

К ним торопливо семенила сестра Тереза, держа в руках что-то завернутое в кусок холста. Люди Аюки продолжали сгонять монахинь в трапезную.

– Пошли, – сказала Лючия.

Немного помедлив, сестры Тереза, Миган и Грасиела последовали за Лючией к огромной входной двери. Завернув за угол в конце длинного коридора, они увидели, что она была проломлена.

Неожиданно перед ними появился один из людей полковника:

– Вы далеко, дамы? Назад. Мои друзья имеют на вас определенные виды.

– У нас есть для тебя подарок, – не растерялась Лючия.

Улыбнувшись, она подняла один из тяжелых металлических подсвечников, стоявших вдоль столов в прихожей. Мужчина озадаченно посмотрел на нее:

– А что с ним делать?

– А вот что.

Лючия с размаху ударила его канделябром по голове, и он без сознания рухнул на пол. Три монахини в ужасе наблюдали за этим.

- Шевелитесь! - сказала им Лючия.

И вскоре Лючия, Миган, Грасиела и Тереза, миновав монастырский двор, уже выходили из ворот монастыря в звездную ночь.

Лючия остановилась:

- Теперь я вас покидаю. Вас будут искать, так что вы лучше уходите отсюда.

Повернувшись, она направилась к возвышавшимся в отдалении за монастырем горам. «Я спрячусь там и подожду, пока им не надоест искать, а потом отправлюсь в Швейцарию. Надо же было такому случиться. Эти скоты разрушили укромное для меня местечко».

Забравшись немного повыше, она оглянулась. Оттуда ей хорошо были видны три сестры. Невероятно, но они все еще стояли у ворот монастыря тремя черными изваяниями. «Ради Бога, - подумала она, - убирайтесь же, черт возьми, оттуда, пока вас не схватили. Быстрее!»

Они были не в силах сдвинуться с места. За долгие годы их мироощущение, казалось, было окончательно парализовано; они никак не могли взять в толк, что с ними происходит, и упорно продолжали смотреть себе под ноги. Они были настолько потрясены, что ничего не соображали. Проведя столько времени в стенах Божьей обители, в изоляции от внешнего мира, и оказавшись вдруг вне ее спасительных стен, они испытывали теперь полное смятение чувств и панику. Они не имели понятия, куда им идти и что делать. В стенах монастыря их жизнь была подчинена давно установленному порядку. Их кормили, одевали, говорили, чем заниматься. Они жили по уставу. И вдруг этого устава не стало. Что Богу угодно от них? Что Он задумал? Они, сжавшись, стояли вместе, не решаясь ни заговорить, ни взглянуть друг на друга.

Сестра Тереза робко указала на видневшиеся вдалеке огни Авилы и подала знак: «Туда». Они нерешительно двинулись по направлению к городу.

«Да нет же, идиотки, – подумала Лючия, наблюдая за ними с возвышения. – Вас же в первую очередь будут искать там. Но это уж ваше дело. У меня хватает своих забот». Она некоторое время смотрела, как они шли к своей гибели, на верную смерть. «Проклятие!»

Она торопливо спустилась и, спотыкаясь о камни, побежала за ними, ее тяжелое облачение мешало ей двигаться.

– Подождите! – крикнула она. – Стойте!

Сестры остановились и повернулись. Задыхаясь, Лючия подбежала к ним.

– Вы не туда идете. Прежде всего они будут искать вас в городе. Вам надо спрятаться в каком-нибудь другом месте.

Три сестры молча смотрели на нее.

– В горы, – сказала Лючия, теряя терпение. – Надо идти в горы. Идите за мной.

Она повернулась и вновь пошла к горам. Помедлив, сестры гуськом потянулись за ней.

Время от времени Лючия оглядывалась, чтобы убедиться, что они не отстали. «И что я лезу не в свое дело? – думала она. – Я не обязана заботиться о них. Вместе идти опаснее». Она продолжала подниматься в горы, стараясь держать их в поле зрения.

Для сестер это было тяжелым испытанием, и, когда они начинали отставать, Лючия останавливалась, дожидаясь их. «Я отделаюсь от них утром».

– Давайте быстрее! – крикнула она им.

Обыск монастыря закончился. Ошалевших, в изорванной окровавленной одежде монахинь согнали всех в одно место и посадили в фургоны без опознавательных знаков.

- Отвезите их в Мадрид, в мой штаб, – приказал полковник Аока. – Держите их в изоляции.

- По обвинению в...

- ...пособничестве террористам.

- Слушаюсь, полковник, – сказал Патрисио Арриета и, немного помедлив, добавил: – Четыре монахини исчезли.

Глаза полковника Аоки сузились.

- Найдите их!

Полковник Аока самолетом вернулся в Мадрид и доложил премьер-министру:

- Хайме Миро удалось скрыться прежде, чем мы добрались до монастыря.

- Да, я уже слышал, – кивнул премьер-министр Мартинес.

Он с самого начала не сомневался, что Хайме Миро никогда там и не был. Полковник Аока становился все более опасен. Жестокий налет на монастырь вызвал бурю протеста.

- В связи со случившимся я подвергаюсь нападкам со стороны прессы, – сказал премьер-министр, тщательно подбирая слова.

- Газеты делают из этого террориста героя, – ответил Аока с каменным лицом. – Нельзя допускать, чтобы они оказывали на нас давление.

- Он ставит правительство в весьма затруднительное положение. Да еще эти четыре монахини... если они заговорят...

- Не беспокойтесь. Они далеко не уйдут. Я поймаю их и найду Миро.

Премьер-министр для себя уже решил, что больше не может рисковать.

– Полковник, я хочу, чтобы вы лично позаботились о том, чтобы с тридцатью шестью монахинями, которых вы держите под стражей, хорошо обращались. И я отдаю приказ о подключении армии к поискам Миро и других мятежников. Вы будете работать совместно с полковником Состело.

Последовала долгая напряженная пауза.

– Кто из нас будет руководить операцией? – спросил Акока, пристально глядя на собеседника ледяными глазами.

Премьер-министру стало не по себе.

– Вы, разумеется.

Занимался рассвет; Лючия и три сестры, продолжая свой путь на северо-восток, уходили все дальше от Авилы и монастыря в горы. Привыкшие к тишине монахини двигались почти бесшумно. Единственными сопровождавшими их звуками были шорох одежд, побрякивание четок, хруст случайно сломанной ветки и их дыхание, становившееся более прерывистым по мере того, как они забирались все выше и выше.

Добравшись до плато Гуадаррамских гор, они пошли по проселочной дороге, по обеим сторонам которой тянулись каменные стены. Они шли мимо полей, на которых паслись козы и овцы. К рассвету, пройдя несколько миль, они оказались в лесистой местности неподалеку от маленького городка Вильякастин.

«Здесь я с ними и расстанусь, – решила Лючия. – Теперь пусть о них позаботится их Бог. Обо мне Он уже позаботился. Попробуй теперь доберись до Швейцарии. Ни денег, ни паспорта, да еще этот похоронный наряд. Теперь этим людям уже известно, что мы сбежали. И они будут искать нас до тех пор, пока не найдут. Чем скорее я отделаюсь от этой компании, тем лучше».

Но в этот момент произошло нечто такое, что заставило ее изменить свои планы.

Пробираясь сквозь деревья, сестра Тереза споткнулась, и сверток, который она так бережно несла, упал на землю. Что-то выскользнуло из развернувшегося холста, и в лучах восходящего солнца перед изумленной Люцией засверкал большой, искусно сделанный золотой крест.

«Это же чистое золото, – подумала Люция. – Бог все-таки решил позаботиться обо мне. Этот крест – манна небесная. Самая настоящая манна. Вот он – мой билет в Швейцарию».

Люция наблюдала за тем, как сестра Тереза, подняв крест, бережно завернула его в холст. Она мысленно улыбнулась. Забрать его представлялось ей делом несложным. Эти монахини сделают все, что она им скажет.

Авила была охвачена волнением. Известие о нападении на монастырь быстро разлетелось по всему городу, и для встречи с полковником Акою был выбран отец Беррендо. Священнику было за семьдесят, его обманчиво хрупкая внешность скрывала необыкновенную внутреннюю силу. Для своих прихожан он был добрым и отзывчивым пастырем. Но теперь его переполняло справедливое негодование.

Священника продержали около часа в приемной, прежде чем ему было дозволено предстать перед полковником Акою.

– Вы со своими людьми напали на монастырь без малейшего на то повода, – заявил без предисловий отец Беррендо. – Это было чистым безумием.

– Мы просто выполняли свой долг, – отрезал полковник. – В монастыре скрывался Хайме Миро со своей бандой убийц, так что сестры сами виноваты. Мы задержали их для допроса.

– Вы нашли в монастыре Хайме Миро? – гневно спросил священник.

– Нет. Ему со своими людьми удалось скрыться до нашего прихода, – спокойно ответил полковник Аока. – Но мы найдем их и покараем.

«Я покараю», – свирепо подумал полковник.

Глава 5

Монахини продвигались медленно. Их одеяние было совсем не приспособлено для подобных прогулок по пересеченной местности. Тонкие подошвы их сандалий плохо защищали ноги от камней, и их одежда за все цеплялась. Сестра Тереза даже не могла читать молитвы. Ей постоянно приходилось удерживать ветки, чтобы они не хлестали по лицу.

При свете дня вынужденная свобода казалась им еще ужаснее. Господь выгнал сестер из своего рая в незнакомый пугающий мир и лишил их своего покровительства, с упованием на которое они жили столько времени. Они оказались в неведомой стране, не имея ни карты, ни компаса. Стен, так долго защищавших их от бед и несчастий, вдруг не стало, и они чувствовали себя голыми и незащищенными. Повсюду таилась опасность, и у них больше не было убежища. Они были изгоями. Непривычные картины природы и звуки ее жизни поражали их. Сестры будто впервые в жизни видели насекомых, жаркое синее небо, слышали пение птиц. Наряду с этим было и еще что-то, вызывавшее у них беспокойство. Оказавшись за стенами монастыря, Тереза, Грасиела и Миган поначалу старательно избегали смотреть друг на друга, инстинктивно соблюдая привычные правила. Но теперь каждая из них ловила себя на том, что с интересом изучает лица других. К тому же обнаружилось, что после стольких лет молчания они почти разучились говорить, их речь была неуверенной и они произносили слова запинаясь, словно осваивая что-то новое и незнакомое. Они не узнавали своих собственных голосов. Только Лючии ничего не мешало, она казалась уверенной в себе, и сестры невольно положились на ее лидерство.

– Неплохо было бы уже и познакомиться, – сказала Лючия. – Я – сестра Лючия.

После некоторого замешательства робко представилась Грасиела:

– Я – сестра Грасиела.

«Темноволосая ослепительная красавица».

– Я – сестра Миган.

«Молодая блондинка с потрясающими голубыми глазами».

– Я – сестра Тереза.

«Самая старшая из нас. Сколько ей? Пятьдесят? Шестьдесят?»

Они лежали в лесу, неподалеку от деревни, отдыхая, и Лючия думала: «Они как птенцы, выпавшие из гнезда. Одни не выживут. Ну что же, плохи их дела. А я с этим крестом отправлюсь в Швейцарию».

Подойдя к краю опушки, на которой они лежали, она посмотрела сквозь деревья вниз на маленький городок. По улице ходили какие-то люди, но тех, что напали на монастырь, среди них не было. «Сейчас, – подумала Лючия. – Надо не упустить момент».

Она повернулась к остальным:

– Я пойду в город, попытаюсь найти что-нибудь поесть. А вы ждите здесь. – И, кивнув Терезе, добавила: – Ты пойдешь со мной.

Сестра Тереза была в некотором замешательстве. Тридцать лет она выполняла указания только преподобной матери Бетины, и вдруг теперь она должна подчиняться этой сестре. «Как бы там ни было, на все воля Божья, – подумала сестра Тереза. – Он выбрал ее помочь нам, ее устами говорит с нами Господь».

– Я должна как можно скорее передать этот крест монастырю в Мендавии.

– Конечно. Вот мы спустимся и спросим, куда нам идти.

И они вдвоем стали спускаться с горы в сторону городка.

Лючия зорко поглядывала по сторонам, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Но все было спокойно. «Это будет несложно», – думала Лючия.

Они были уже на окраине города, который, судя по указателю, назывался Вильякастин. Перед ними была главная улица, левее начинался маленький

пустынный переулок.

«Хорошо, – подумала Лючия. – Никто не увидит того, что сейчас произойдет».

Лючия свернула в переулок.

– Пойдем здесь. Меньше вероятности, что нас увидят.

Кивнув, сестра Тереза послушно последовала за ней. Теперь задача состояла в том, чтобы отнять у нее крест.

«Я могла бы его вырвать у нее и убежать, – думала Лючия, – но она наверняка поднимет крик и привлечет внимание. Нет, надо подумать, как все сделать тихо».

Перед ней с дерева упал сук; помедлив, Лючия наклонилась и подняла его. Он был довольно тяжелый. «Прекрасно». Она подождала сестру Терезу.

– Сестра Тереза...

Монахиня повернулась и посмотрела на нее, и в тот момент, когда Лючия уже готова была занести свою палку, откуда-то раздался мужской голос:

– Да хранит вас Господь, сестры.

Резко повернувшись, Лючия приготовилась бежать. Стоявший перед ними мужчина был одет в длинную коричневую монашескую сутану с капюшоном на голове. Он был высокий и тощий, и, что больше всего удивило Лючию, на его худом с орлиным носом лице застыло выражение святой невинности. Его глаза, казалось, светились теплым внутренним светом, голос был тихим и добрым.

– Я – монах Мигель Каррильо.

Мысли Лючии работали с молниеносной быстротой. Ее изначальный план был сорван. Но у нее неожиданно возник другой, лучший.

– Слава Богу, что мы встретили вас, – сказала Лючия.

Этот человек поможет ей скрыться. Он узнает, как ей проще всего будет выбраться из Испании.

– Мы из цистерцианского монастыря, что недалеко от Авилы, – начала она. – Прошлой ночью на монастырь напали какие-то люди. Они увезли всех монахинь. Нам четверым удалось бежать.

Монах ответил голосом, полным негодования:

– Я из монастыря Сан-Хенерро, где провел последние двадцать лет. Мы подверглись нападению позапрошлой ночью. – Он вздохнул. – Судьба всех чад Господних в Его руках, но должен признать, что не понимаю, какой путь Всевышний уготовил нам на этот раз.

– Эти люди нас ищут, – сказала Лючия. – Нам необходимо как можно скорее выбраться из Испании. Вы знаете, как это сделать?

– Я думаю, что смогу вам помочь, сестра, – мило улыбнувшись, ответил брат Каррильо. – Господь свел нас вместе. Отведи меня к остальным.

И через несколько минут Лючия представила монаха сестрам.

– Это брат Каррильо, – сказала она. – Он провел в монастыре двадцать лет. Он пришел, чтобы помочь нам.

Сестры по-разному отреагировали на появление брата. Грасиела не осмеливалась поднять на него глаза; Миган поглядывала на него с интересом: а сестра Тереза отнеслась к нему как к Божьему посланнику, который поможет им добраться до монастыря в Мендавии.

– Те, что напали на монастырь, наверняка разыскивают вас, – сказал брат Каррильо. – Но они ищут четырех монахинь, поэтому в первую очередь вы должны переодеться.

– Но нам не во что переодеться, – заметила Миган.

Брат Каррильо ответил ей блаженной улыбкой:

– Господь располагает большим гардеробом. Не беспокойся, дитя мое. Он поможет. Вернемся в город.

Было два часа пополудни, время сиесты. Брат Каррильо в сопровождении четырех сестер шел по главной улице города, готовый в любую минуту помочь сестрам скрыться при первых признаках погони. Магазины были закрыты, но бары и рестораны продолжали работать, и оттуда доносилась незнакомая музыка, полная громких и резких звуков.

Брат Каррильо обратил внимание на выражение лица сестры Терезы.

– Это рок-н-ролл, – сказал он. – Он сейчас очень популярен среди молодежи.

Две молодые женщины, стоявшие возле одного из баров, уставились на проходивших мимо монахинь. Монахини тоже смотрели на них широко раскрытыми глазами, удивляясь их странным нарядам. На одной из них была юбка настолько короткая, что едва прикрывала бедра, на другой была юбка подлиннее, но с разрезами до бедер. Обе были в обтягивающих тело трикотажных майках без рукавов.

«Они же почти голые», – ужаснулась про себя сестра Тереза.

В дверях стоял мужчина в свитере с высоким горлом, в непонятном пиджаке без воротника и с кулоном на шее.

В нос монахиням ударили незнакомые запахи виски и табачного дыма.

Миган вдруг остановилась, глядя на противоположную сторону улицы.

– Что такое? Что случилось? – обернувшись, спросил брат Каррильо.

Миган смотрела на женщину с ребенком. Сколько же лет прошло с тех пор, как она в последний раз видела младенца или вообще ребенка? Это было в

сиротском приюте четырнадцать лет назад. От этого внезапного потрясения Миган вдруг осознала, насколько она была оторвана от внешнего мира.

Сестра Тереза тоже смотрела на младенца, но она думала о чем-то своем: «Это малышка Моник». Ребенок на другой стороне улицы плакал. «Он плачет потому, что я его бросила. Нет, это невозможно. Ведь прошло уже тридцать лет». Сестра Тереза отвернулась, плач ребенка все еще звучал в ее ушах. Они двинулись дальше.

Они миновали кинотеатр. На афише было написано: «Три любовника», а на расклеенных фотографиях полуголые женщины обнимали по пояс обнаженного мужчину.

– Господи! Да они же почти голые! – воскликнула сестра Тереза.

Брат Каррильо нахмурился:

– Просто возмутительно, что сейчас разрешается показывать в кинотеатрах. Этот фильм – настоящая порнография. Все самое сокровенное и интимное выставлено на всеобщее обозрение. Это превращает детей и взрослых в животных.

Они прошли мимо хозяйственного магазина, парикмахерской, цветочного магазина, кондитерской; все было закрыто на время сестры, и у каждого магазина сестры останавливались и глазели на витрины, заполненные когда-то знакомыми и давно забытыми предметами.

Когда они подошли к магазину женской одежды, брат Каррильо остановил их.

Шторы на окнах были опущены, и на входной двери висела табличка: «Закрето».

– Подождите меня здесь, пожалуйста.

Четыре женщины смотрели, как он, завернув за угол, скрылся из виду. Они недоуменно переглянулись. Куда он отправился, вернется ли?

Через несколько минут они услышали, как дверь магазина открылась, и на пороге показался улыбающийся брат Каррильо. Он пригласил их войти.

– Скорее.

Когда они были уже в магазине и монах закрыл дверь, Лючия спросила:

– Как тебе удалось?..

– Господь создал много разных дверей, чтобы в них входили, – серьезно ответил брат. Но в его голосе слышалось какое-то озорство, вызвавшее у Миган невольную улыбку.

Сестры словно замороженные оглядывались вокруг. Магазин напоминал им рог изобилия, пестря платьями и свитерами, бюстгальтерами и чулками, туфлями на высоких каблуках и болеро – вещами, которых они не видели на протяжении многих лет. Их фасоны казались такими необычными. Магазин был полон кошелечков, шарфиков, пудрениц и блузок. Женщины застыли в изумлении.

– Нам надо поторопиться, – напомнил о себе брат Каррильо, – мы должны уйти отсюда прежде, чем магазин откроется после сиесты. Выбирайте сами все, что вам подходит.

«Слава Богу, я наконец опять смогу одеться как женщина», – подумала Лючия. Она подошла к стойке с платьями и начала их перебирать. Она выбрала себе бежевую юбку и в тон ей коричневую блузку. «Это, конечно, не бог весть что, но пока сойдет». Подобрала себе трусики, бюстгальтер и мягкие ботиночки, она зашла за вешалку, разделась и через несколько минут, полностью одетая, была уже готова идти.

Остальные медленно выбирали себе наряды.

Грасиела остановилась на белом хлопчатобумажном платье, оттенявшем ее черные волосы и смуглую кожу, и сандалиях.

Миган нашла себе синее платье чуть ниже колен с рисунком и туфли на низком каблуке.

Труднее всего пришлось сестре Терезе. Изобилие и разнообразие слишком ошеломили ее. Вокруг было столько шелка, фланели, твида, кожи, в клеточку и полосочку, всех цветов. И вся одежда казалась ей какой-то «куцей» – именно это слово пришло ей на ум. Последние тридцать лет она пристойно проходила в массивном одеянии, вполне соответствовавшем ее образу жизни и мыслям. И вот теперь ей предлагали снять его и нацепить на себя эти непристойные наряды. Наконец она разыскала самую длинную юбку и хлопчатобумажную блузку с длинными рукавами и высоким воротником-стойкой.

– Быстрее, сестры, – торопил брат Каррильо. – Раздевайтесь и переодевайтесь.

Они смущенно переглянулись.

– Я, конечно, подожду в офисе.

Он удалился в глубь магазина.

Сестры начали раздеваться, мучительно страдая от присутствия друг друга.

Войдя в офис, брат Каррильо подставил стул и, взобравшись на него, стал через окошко разглядывать раздевавшихся сестер. «С какой из них мне начать?» – думал он при этом.

Мигель Каррильо начал свою воровскую карьеру еще в десятилетнем возрасте. Природа наделила его светлыми вьющимися волосами и лицом херувима, что оказывало ему неоценимую помощь в избранной им профессии. Он начинал карманником и мелким магазинным воришкой, но с возрастом расширил рамки своей деятельности и занялся грабежом пьяных и обманом богатых женщин. Благодаря своему необыкновенному обаянию он добился больших успехов, придумав несколько оригинальных способов мошенничества, один хитроумнее другого. Но к несчастью, последняя затея вышла ему боком.

Выдавая себя за монаха из отдаленного монастыря, Каррильо ходил по церквам и просил там пристанища на ночь, в чем ему никогда не отказывали. Однако утром, когда священник открывал двери церкви, оказывалось, что все ценности исчезли вместе с благообразным монахом.

И вдруг удача изменила ему. Два дня назад в Бехаре, маленьком городке неподалеку от Авилы, неожиданно вернувшийся в церковь священник застал Мигеля Каррильо на месте преступления. Священник оказался крепким здоровяком. Повалив Каррильо на пол, он заявил, что собирается сдать его полиции. Рядом оказался упавший на пол тяжелый серебряный потир, и, подняв его, Каррильо ударил им священника. То ли потир был слишком тяжелым, то ли череп священника слишком хрупким, но священник свалился замертво. Мигель Каррильо в панике бежал с единственным желанием унести ноги как можно дальше от места преступления. Оказавшись в Авиле, он услышал историю о нападении на монастырь секретной ГОЕ во главе с полковником Акою. Сама судьба свела Каррильо с четырьмя монахинями-беглянками.

И вот сейчас, предвкушая удовольствие, он разглядывал их обнаженные тела и думал: «Похоже, наклеывается хорошенькое дельце. Раз полковник Аюка разыскивает этих сестер, то он, вероятно, выложит за них кругленькую сумму. Сначала я с ними позабавлюсь, а потом сдам Аюке».

За исключением уже одетой Люции женщины были абсолютно голыми. Каррильо смотрел, как сестры неуклюже примеряли новое белье. Натянув на себя одежду, они неловко застегивали непривычные пуговицы и молнии, торопясь поскорее уйти, пока их не застали.

«Пора за работу», – радостно подумал Каррильо. Он слез со стула и вышел в зал магазина. Подойдя к женщинам, он одобрительно оглядел их и сказал:

– Замечательно. Ни один человек в мире не сказал бы, что вы – монахини. Я бы еще предложил вам накинуть на головы шарфики.

Выбрав каждой из всех по одному, он смотрел, как они повязали их.

Мигель Каррильо уже решил для себя, что первой будет Грасиела. Она, без сомнения, была одной из самых красивых женщин, которых он когда-либо встречал. А какое у нее тело! «Как можно было так бездарно держать его в заточении? Я покажу ей, что с ним надо делать».

– Вы наверняка голодны, – сказал он, обращаясь к Люции, Терезе и Миган. – Я предлагаю вам пойти в кафе, мимо которого мы шли, и подождать нас там. Я схожу в церковь и займу у священника немного денег, чтобы нам поесть. А тебя,

сестра, – сказал он, повернувшись к Грасиеле, – я прошу пойти со мной и рассказать священнику, что произошло в монастыре.

– Я... хорошо.

– Мы скоро к вам присоединимся, – сказал Каррильо остальным. – Я бы посоветовал вам выйти через заднюю дверь.

Он подождал, пока Тереза, Лючия и Миган вышли из магазина. Услышав, как за ними закрылась дверь, он повернулся к Грасиеле. «Она потрясающая, – подумал он. – Может, мне стоит взять ее с собой, попробовать приобщить к делу. Она могла бы здорово помочь».

Грасиела смотрела на него.

– Я готова.

– Не совсем.

Каррильо сделал вид, что рассматривает ее одежду.

– Нет, боюсь, что это не пойдет. Это платье совсем не для тебя. Снимай.

– Но почему?

– Оно плохо сидит, – не моргнув глазом ответил Каррильо. – На тебя тут же обратят внимание, а тебе это ни к чему.

Помедлив, она зашла за вешалку.

– Поторопись, у нас мало времени.

Грасиела неловко стянула через голову платье. Она была в трусиках и бюстгальтере, когда неожиданно появился Каррильо.

– Снимай все, – сказал он хриплым голосом.

Грасиела уставилась на него.

– Что? Нет! – закричала она. – Я... я не могу. Прошу вас... Я...

Каррильо приблизился к ней.

– Я помогу тебе, сестра.

Протянув руки, он стал срывать с нее белье.

– Нет! – закричала она. – Не смей! Прекрати!

Каррильо оскалился в улыбке:

– Мы только начинаем, дорогуша. Тебе это понравится.

Его сильные руки обхватили ее, и, повалив ее на пол, он задрал свою сутану.

В голове Грасиелы все помутилось, словно опустился занавес. Это был Мавр, он пытался проникнуть в нее, в самые глубины ее тела. Она слышала визгливый крик своей матери. «Нет, только не это, – в ужасе подумала она. – Не надо... Только не это...»

Она яростно сопротивлялась, отбиваясь от Каррильо и пытаясь подняться.

– Черт бы тебя побрал! – крикнул он.

Он ударил ее кулаком в лицо. Грасиела опять упала, и все закружилось у нее перед глазами. Ей казалось, что она стремительно уносится назад в прошлое.

Назад... В прошлое...

Лас-Навас-дель-Маркес, Испания, 1950

Ей было пять лет. Ее самые ранние воспоминания были связаны со множеством обнаженных незнакомых мужчин, сменявших друг друга в постели ее матери.

– Они – твои дяди, – объясняла ей мать. – Ты должна относиться к ним с уважением.

Все они были грубыми, вульгарными и совсем не страдали от избытка нежности. Они оставались на ночь, на неделю, на месяц, потом исчезали. После ухода одного Долорес Пиньеро тут же подыскивала себе другого.

В молодости Долорес Пиньеро была красавицей, и Грасиела унаследовала внешность своей матери. Еще будучи ребенком, Грасиела привлекала к себе внимание своим красивым лицом с высокими скулами, смуглой гладкой кожей, блестящими черными волосами и длинными густыми ресницами. Ее прекрасное тело обещало стать еще более соблазнительным.

С годами Долорес Пиньеро располнела, неумолимое время сделало обрюзгшим ее некогда прелестное лицо. Уже не будучи красавицей, она по-прежнему оставалась доступной и слыла страстной любовницей. Любовное ремесло было единственным, в чем она преуспела, и она пользовалась им, ублажая мужчин, пытаясь привязать их к себе в надежде купить любовь в обмен на свое тело. Она едва зарабатывала себе на жизнь шитьем, поскольку была посредственной портнихой и ее услугами в городке пользовались лишь те женщины, которые не могли позволить себе ничего лучшего.

Долорес Пиньеро была жестока по отношению к своей дочери, потому что та постоянно напоминала ей о единственном человеке, которого она когда-либо любила. Отцом Грасиелы был молодой красивый механик, сделавший предложение прекрасной Долорес, и та охотно позволила ему соблазнить себя. Но когда она сообщила ему о том, что беременна, он скрылся, оставив Долорес вымещать злобу на его потомстве.

У Долорес был скверный нрав, и она обрушила свою месть на ребенка. Стоило Грасиеле чем-то ей не угодить, как мать тут же набрасывалась на нее с криком: «Ты такая же бестолочь, как и твой отец!»

Ребенку некуда было деться от нескончаемых побоев и постоянных воплей. Просыпаясь по утрам, Грасиела молилась: «Прошу Тебя, Боже, сделай так, чтобы мама меня сегодня не била. Сделай так, Господи, чтобы у мамы сегодня было хорошее настроение. Боже, как я хочу, чтобы мама сегодня сказала, что любит меня».

Если мать не ругала Грасиелу, то она просто не замечала ее. Грасиела сама готовила себе еду и следила за своей одеждой. Приготовив себе завтрак, она брала его в школу и говорила учителю: «Сегодня моя мама испекла мне пирожки. Она знает, как я люблю пирожки с мясом». Или: «Я порвала платье, но мама его зашила. Она с удовольствием все для меня делает». Или: «Завтра мы с мамой пойдем в кино».

Сердце учителя разрывалось от жалости. Лас-Навас-дель-Маркес был маленьким городком в часе езды от Авилы, и там, как это бывает во всех городишках, все про всех все знали. Образ жизни Долорес Пиньеро подвергался всеобщему осуждению, и это сказывалось на Грасиеле. Матери не разрешали своим детям играть с девочкой, чтобы оградить их от дурного влияния. Грасиела ходила в школу, расположенную на Пласолета дель Кристо, но у нее не было ни друзей, ни подруг. Она была одной из самых способных учениц в школе, но имела плохие оценки. Ей было трудно сосредоточиться, потому что она постоянно чувствовала себя усталой.

«Ты должна раньше ложиться спать, Грасиела, – говорил ей учитель. – Тебе нужен полноценный отдых, чтобы ты могла как следует выполнять домашние задания».

Но причина ее усталости была совсем не в том, что она поздно ложилась. Грасиела жила со своей матерью в маленькой двухкомнатной квартире. Девочка спала на кушетке в крошечной комнатке, отделенной от спальни лишь тонкой старой занавеской. Как могла Грасиела рассказать учителю о непристойных звуках, будивших ее среди ночи и не дававших ей потом уснуть? Она лежала и слушала, как мать занимается любовью с очередным мужчиной, оказавшимся в ее постели.

Когда Грасиела приносила домой свой табель успеваемости, мать начинала кричать: «Я так и знала, что ты принесешь такие ужасные оценки, а знаешь, почему у тебя такие плохие оценки? Потому что ты глупа. Бестолочь!»

И Грасиела верила этому и изо всех сил сдерживала слезы.

Днем после занятий Грасиела, предоставленная самой себе, бродила в одиночестве по узким извилистым улочкам, вдоль которых росли акации и платаны, мимо белых каменных домиков, где любящие отцы жили со своими семьями. У Грасиелы было много друзей, но все они жили в ее воображении: красивые девочки и мальчики, приглашавшие ее на праздники, где ее угощали чудесными пирогами и мороженым. Ее воображаемые друзья были милыми и добрыми, и все они считали ее очень умной и хорошей. Когда матери не было, Грасиела подолгу разговаривала с ними.

«Ты не сможешь мне сделать домашнее задание, Грасиела? Я не умею решать задачи, а у тебя так хорошо получается».

«Что мы будем делать сегодня вечером, Грасиела? Можно было бы пойти в кино или погулять по городу и выпить кока-колы».

«Твоя мама отпустит тебя к нам пообедать, Грасиела? У нас будет плов».

«Боюсь, что нет. Маме всегда очень одиноко без меня. Ведь, кроме меня, у нее никого нет».

По воскресеньям Грасиела вставала рано и, стараясь одеться как можно тише, чтобы не разбудить мать и очередного дядю в ее постели, шла в церковь Сан-Хуан Баутиста, где отец Перес рассказывал о радостях жизни после смерти, о сказочной жизни в Царстве Христа; и Грасиела хотела поскорее умереть, чтобы встретиться с Богом.

Отец Перес отличался приятной внешностью, ему было немногим более сорока. Приехав в Лас-Навас-дель-Маркес несколько лет назад, он одинаково участливо относился к богатым и бедным, больным и здоровым, и в городке не было такой тайны, в которую он не был бы посвящен. Отец Перес видел, что Грасиела регулярно ходит в церковь, ему были очень хорошо известны истории о бесчисленных любовниках Долорес Пиньеро. Девочке, конечно, было невыносимо тяжело в таких условиях, но кто мог ей помочь? Священника искренне удивляло, что Грасиела росла такой доброй, отзывчивой и никогда не жаловалась на свою жизнь.

Каждое воскресное утро Грасиела появлялась в церкви в чистой опрятной одежде, которую, как он был уверен, она стирала сама. Отец Перес знал, что все дети городка избегают Грасиелу, и всем сердцем жалел ее. Каждое воскресенье он старался регулярно уделять ей после службы какое-то время, а когда был не очень занят, брал ее с собой в маленькое кафе, чтобы угостить мороженым.

Зимой жизнь Грасиелы становилась еще более скучной, однообразной и мрачной. Лас-Навас-дель-Маркес был расположен в долине, окруженной со всех сторон горами, и поэтому зимы здесь продолжались по шесть месяцев.

Летом было несколько легче: с наплывом в городок многочисленных туристов город наполнялся радостным весельем, улицы оживали. Туристы собирались на площади Мануэля Дельгадо Барредо возле небольшой эстрады и под звуки оркестра наблюдали, как местные жители босиком, взявшись за руки, встав в пестрый круг, грациозно двигались, исполняя сардину – старинный каталонский народный танец. Грасиела любила смотреть, как туристы, расположившись в уличных кафе, пили аперитивы, ходили по pescaderia – рыбному базару, заходили в аптеку. В час дня винный погребок заполнялся туристами, которые пили chateo, закусывая крабами, оливками, жареным картофелем.

Но больше всего Грасиеле нравилось по вечерам смотреть на paseo. Юноши и девушки группками прогуливались по главной площади, мальчики поглядывали на девочек, в то время как их родители, бабушки и дедушки бдительно следили за ними, сидя со своими друзьями в уличных кафе. Это было нечто похожее на традиционные смотрины, вековой ритуал. Грасиеле очень хотелось принять в нем участие, но мать запрещала ей.

«Ты что, хочешь стать шлюхой? – кричала она на Грасиелу. – Держись от мальчишек подальше. Им нужно от тебя только одно. Я знаю это по своему опыту», – горько добавляла она.

День пролетал почти незаметно, и наступала мучительная ночь. Сквозь тонкую занавеску, разделявшую их кровати, Грасиела слышала животные стоны, возню, частое дыхание, непременно сопровождавшееся непристойностями.

«Быстрее... Глубже!»

«Cogeme!»

«Mamame el verga!»

«Metelo en el culo!»

Грасиеле не было и десяти лет, когда она уже знала все неприличные слова испанского языка. Они произносились шепотом и выкрикивались с дрожью в голосе и со стоном. Крики страсти вызывали у Грасиелы отвращение и в то же время пробуждали в ней незнакомое томление.

Мавр появился в доме, когда Грасиеле было четырнадцать лет. Таких великанов ей еще никогда не доводилось видеть. Его кожа была черной и блестящей, голова побрита. У него были здоровенные плечи, могучая грудь и огромные ручки. Он появился ночью, когда Грасиела спала, и она увидела его только утром: откинув занавеску, он прошел совершенно голый мимо кровати Грасиелы в уборную. Посмотрев на него, Грасиела чуть не ахнула – настолько он весь был огромен. «Он же убьет мою маму», – подумала она.

Мавр уставился на нее:

– Так-так. Это кто такой здесь?

Долорес Пиньеро, поспешно вскочив с кровати, встала рядом с ним.

– Это моя дочь, – коротко сказала она.

Смушение волной накатило на Грасиелу, когда она увидела голое тело матери рядом с мужчиной.

Мавр улыбнулся, обнажив красивые ровные белые зубы.

– Как тебя зовут, красавица?

Смущенная его наготой, Грасиела не могла ничего сказать.

- Ее зовут Грасиела. Она глуповата.

- Она - красавица. Уверен, ты была такой же в молодости.

- Я и сейчас молодая, - оборвала его Долорес и повернулась к дочери: - Одевайся. Ты опоздаешь в школу.

- Да, мама.

Мавр все еще стоял и смотрел на нее. Взяв его за руку, женщина кокетливо сказала:

- Пойдем в постель, querido. Мы еще не закончили.

- Обожди, - ответил Мавр, продолжая смотреть на Грасиелу.

Мавр поселился у них. Каждый день, возвращаясь домой из школы, Грасиела молилась, чтобы он ушел. По непонятным причинам он внушал ей какой-то страх. Он всегда был с ней вежлив, никогда ничего не позволял себе по отношению к ней, однако одной мысли о нем было достаточно, чтобы привести ее в дрожь.

Его отношение к матери было несколько иным. Большую часть времени Мавр проводил во флигеле за бутылкой. Он забирал у Долорес все заработанные ею деньги. Часто ночью Грасиела слышала, как он бил мать, и утром Долорес появлялась с синяком под глазом или с рассеченной губой.

- Зачем он тебе нужен, мама? - спрашивала Грасиела.

- Тебе не понять, - угрюмо отвечала мать. - Он настоящий мужчина, не такой коротышка, как другие. И он знает, что нужно женщине. - Затем, кокетливо поправив рукой волосы, она добавляла: - Кроме того, он безумно меня любит.

Грасиела не верила этому. Она знала, что Мавр просто пользуется ее матерью, но не осмеливалась возражать. Она слишком боялась гнева матери, потому что, когда Долорес Пиньеро выходила из себя, ею овладевало нечто вроде безумия.

Она как-то гонялась за Грасиелой с кухонным ножом лишь из-за того, что девочка осмелилась приготовить чай для одного из «дядей».

Ранним воскресным утром Грасиела стала собираться в церковь. Мать ушла еще раньше, отнести готовые платья. Когда Грасиела скинула с себя ночную рубашку, занавеска отодвинулась и появился Мавр. Он был голый.

– Где твоя мать, красавица?

– Мама ушла рано. Ей надо разнести заказы.

Мавр разглядывал обнаженное тело Грасиелы.

– Ты и впрямь красавица, – ласково сказал он.

Грасиела почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Она знала, что ей следовало делать. Ей надо было прикрыть свою наготу, надеть блузку, юбку и уйти. Но она стояла и не могла сдвинуться с места. Она смотрела, как его мужская плоть начала увеличиваться и расти прямо на ее глазах. Она слышала, как в ее ушах звучат голоса: «Быстрее... глубже!»

Она чувствовала, что чуть не падает в обморок.

– Ты еще совсем ребенок, – хрипло сказал Мавр. – Одевайся и уходи.

Неожиданно для себя Грасиела пошла. Пошла к нему. Протянув руки, она обняла его за талию и ощутила его напряженное тело.

– Нет, – простонала она. – Я не ребенок.

Последовавшая за этим боль была ни с чем не сравнима. Она была мучительной, невыносимой и вместе с тем пьянящей, прекрасной. Крепко обхватив Мавра обеими руками, она кричала в экстазе, испытывая оргазм за оргазмом. «Так вот что это за тайна», – думала Грасиела. Как чудесно было узнать наконец тайну мироздания, стать частью самой жизни, узнать радость настоящую и вечную!

– Чем это вы здесь занимаетесь? – раздался визг Долорес Пиньеро, и в ту же секунду все словно замерло, застыло во времени. Она стояла возле кровати, глядя на свою дочь и Мавра.

Онемевшая от ужаса Грасиела посмотрела на мать. В глазах Долорес была безумная ярость.

– Ах ты сука! – взвизгнула она. – Ты мерзкая тварь!

– Мама, прошу тебя...

Схватив тяжелую железную пепельницу, стоявшую возле кровати, Долорес с силой ударила ею дочь по голове. Это было последним, что помнила Грасиела.

Она очнулась в больнице в большой светлой палате, где стояло две дюжины кроватей и все были заняты. Взад и вперед сновали санитарки.

Голова Грасиелы раскалывалась от мучительной боли. Стоило ей пошевелиться – и боль огнем разливалась по всему телу. Она лежала, слушая крики и стоны других пациентов.

Вечером к ее кровати подошел молодой врач. Ему было немногим больше тридцати, но он выглядел постаревшим от усталости.

– Вот мы и проснулись, – сказал он.

– Где я? – Ей было больно говорить.

– Ты в благотворительной палате провинциальной больницы в Авиле. Тебя привезли к нам вчера. Ты была в жутком состоянии. Нам пришлось зашивать тебе лоб, – продолжал врач. – Наш главный хирург решил наложить тебе швы сам. Он сказал, ты слишком красива, чтобы ходить со шрамами.

«Он ошибается, – подумала Грасиела. – Шрам останется на всю жизнь».

На следующий день Грасиелу навестил отец Перес. Санитарка подвинула стул к койке. Священник посмотрел на бледную прекрасную девочку, и его сердце сжалось. Жуткое происшествие с ней вызвало скандал в Лас-Навас-дель-Маркес, но ничего уже нельзя было изменить. Долорес Пиньеро заявила в полиции, что ее дочь упала и разбила себе голову.

- Тебе лучше, дитя мое? - спросил отец Перес.

Грасиела кивнула, от этого движения у нее тут же застучало в голове.

- Полиция хочет знать, что случилось. Не хотела бы ты рассказать мне что-нибудь?

Наступило долгое молчание.

- Я упала, - наконец сказала она.

Ему было тяжело смотреть в ее глаза.

- Понимаю.

Он испытывал невероятную душевную боль от того, что должен был сказать ей.

- Грасиела, я говорил с твоей матерью...

Грасиела все поняла.

- Мне нельзя возвращаться домой, да?

- Боюсь, что так. Мы еще поговорим об этом. - Отец Перес взял Грасиелу за руку: - Завтра я навещу тебя.

- Спасибо, падре.

Когда он ушел, Грасиела лежала и молилась: «Боже милостивый, дай мне умереть. Я не хочу жить».

Ей было некуда и не к кому идти. Она больше никогда не увидит свой дом. Никогда не увидит свою школу, знакомые лица учителей. Для нее ничего не осталось в этом мире.

Возле ее кровати остановилась санитарка:

– Тебе что-нибудь нужно?

Грасиела с отчаянием посмотрела на нее. Что можно было сказать?

На следующий день вновь появился тот же молодой врач.

– У меня хорошие новости, – сказал он несколько неуверенно. – У тебя уже все в порядке, и ты можешь выписываться. – Это было неправдой, правдой было то, что он добавил: – Нам нужно место в палате.

Она могла идти, но куда?

Часом позже пришел отец Перес, с ним был еще один священник.

– Это отец Беррендо, мой старый друг.

Грасиела посмотрела на худосочного священника.

– Падре.

«Он прав, – думал отец Беррендо. – Она прекрасна».

Отец Перес рассказал ему обо всем, что случилось с Грасиелой. Священник ожидал увидеть признаки влияния той среды, в которой жил ребенок: черствость, дерзость или стремление вызвать к себе жалость. Но ничего этого он не нашел в лице девочки.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось так трудно, – обратился к ней отец Беррендо.

За этими словами крылось нечто большее.

Отец Перес сказал:

– Грасиела, мне нужно возвращаться в Лас-Навас-дель-Маркес. Я оставляю тебя на попечение отца Беррендо.

Грасиелу охватила внезапная паника. Ей казалось, что обрывается последняя ниточка, связывавшая ее с домом.

– Не уходите, – взмолилась она.

Отец Перес взял ее руку в свою.

– Я знаю, что ты чувствуешь себя одинокой, – сказал он с теплотой в голосе. – Но это не так. Поверь мне, дитя мое, это не так.

К кровати подошла санитарка с узелком. Она протянула его Грасиеле:

– Вот твоя одежда. Тебе, к сожалению, надо идти.

Ее охватила еще большая паника.

– Сейчас?

Священники переглянулись.

– Почему бы тебе не одеться и не пойти со мной? – предложил отец Беррендо. – Мы сможем поговорить.

Через пятнадцать минут отец Беррендо и Грасиела вышли из двери больницы на теплый солнечный свет. Перед больницей был сад, в котором росли яркие красивые цветы, но Грасиела была настолько подавлена, что даже не замечала

их.

Когда они сидели в его кабинете, отец Берренко сказал:

– Отец Перес говорил, что тебе некуда идти.

Грасиела кивнула.

– Никаких родственников?

– Только... – Ей было трудно произнести это. – Только моя мама.

– Отец Перес говорил, что ты регулярно ходила в церковь в своем городе.

«В городе, который я никогда больше не увижу».

– Да.

Грасиела вспомнила о том, как по воскресеньям утром она ходила в церковь, как там было красиво во время службы, и о том, как она хотела поскорее встретиться с Иисусом и избавиться от страданий, причиняемых ей жизнью.

– Грасиела, не думала ли ты когда-нибудь о том, чтобы уйти в монастырь?

– Нет.

Она вздрогнула от одной мысли об этом.

– Здесь, в Авиле, есть один монастырь. Это цистерцианский монастырь. Там позаботились бы о тебе.

– Я... я не знаю. – Эта мысль пугала ее.

– Такая жизнь не для всех, – продолжал отец Беррендо. – Я должен тебя предупредить, что в этом монастыре самые строгие правила. Войдя туда и приняв монашество, ты тем самым даешь Господу обет никогда не покидать стен его обители.

Грасиела сидела, глядя в окно, и ее голова была полна противоречивых мыслей. Идея полностью удалиться от мира ужасала ее. «Все равно что отправиться в тюрьму». Но с другой стороны, что ей ждать от этого мира? Невыносимую боль и отчаяние. Она часто подумывала о самоубийстве. Это могло бы стать концом ее страданий.

– Ты сама должна решить, дитя мое, – сказал отец Беррендо. – Если хочешь, я познакомлю тебя с преподобной матерью-настоятельницей.

– Хорошо, – кивнула Грасиела.

Преподобная мать изучала лицо сидевшей перед ней девочки. Прошлой ночью впервые за много-много лет она услышала голос: «К тебе придет юное дитя. Защити его».

– Сколько тебе лет, моя милая?

– Четырнадцать.

«Достаточно большая». В IV веке папа римский издал указ, разрешающий постригаться в монахини девочкам с двенадцатилетнего возраста.

– Мне страшно, – сказала Грасиела преподобной матери Бетине.

«Мне страшно». Слова эхом отозвались в голове Бетины: «Мне страшно...»

Это было так давно. Она говорила своему священнику:

– Не знаю, это ли мое призвание, падре. Мне страшно.

– Бетина, первое общение с Господом может оказаться очень тревожным, весьма трудно решиться посвятить Ему свою жизнь.

«Как же я нашла свое призвание?» – думала Бетина.

Религия никогда не интересовала ее. Девочкой она не ходила в церковь и не посещала воскресную школу. В подростковом возрасте она больше увлекалась вечеринками, нарядами и мальчиками. Если бы ее мадридских друзей попросили назвать возможных кандидаток в монахини, то она была бы в конце списка. Точнее, ее вообще бы не было в этом списке. Но когда ей исполнилось девятнадцать, последовал ряд событий, изменивших ее жизнь.

Как-то, лежа в постели, она сквозь сон услышала голос: «Бетина, встань и выйди на улицу».

Она открыла глаза и в испуге села. Включив настольную лампу, она увидела, что была одна. «Какой странный сон».

Но голос был таким реальным. Она вновь легла, но уснуть было невозможно.

«Бетина, встань и выйди на улицу».

«Это мое подсознание, – подумала она. – С какой стати мне выходить на улицу посреди ночи?»

Она выключила свет, но через минуту вновь включила его. «Это какое-то сумасшествие».

Однако она надела халат, тапочки и спустилась вниз. В доме все спали.

Она открыла дверь на кухню, и в этот момент ее охватил какой-то страх, потому что она каким-то образом знала, что ей предстояло выйти через заднюю дверь во двор. Она огляделась в темноте и заметила луч лунного света, скользнувший по старому холодильнику, который уже не работал и использовался для хранения инструментов.

Внезапно Бетина поняла, почему она там оказалась. Как загипнотизированная она подошла к холодильнику и открыла его. Внутри без сознания был ее трехлетний братишка.

Это был первый случай. Со временем Бетина отнесла его к разряду совершенно нормальных явлений. «Я, должно быть, слышала, как мой брат встал и вышел во двор. Я знала, что там стоит холодильник. Я забеспокоилась и вышла посмотреть».

Следующий случай объяснить было не так просто. Это произошло месяц спустя.

Бетина во сне услышала голос, который сказал ей: «Ты должна потушить огонь».

Сон как рукой сняло, она села, сердце часто билось. Как и в прошлый раз, она вновь не могла уснуть. Надев халат и тапочки, она вышла в переднюю. Ни дыма, ни огня. Она заглянула в спальню родителей. Там все было нормально. Не было пожара и в братишкиной спальне. Спустившись, она осмотрела все комнаты. Никаких признаков пожара.

«Вот идиотка, – подумала Бетина. – Это же был просто сон».

Она уже ложилась в постель, когда дом зашатался от взрыва. Она и вся семья остались невредимы, пожарным удалось потушить огонь.

– Загорелся подвал, – объяснил пожарный, – и бойлер взорвался.

Следующий случай произошел тремя неделями позже. На этот раз все было не во сне.

Бетина сидела возле дома и читала, через двор проходил какой-то незнакомец. Он посмотрел на нее, и в ту же секунду она почувствовала, как от него исходило нечто зловещее, что она ощутила почти физически. Повернувшись, он ушел.

Бетина никак не могла выкинуть его из головы.

Через три дня, оказавшись в одном учреждении, она ждала лифта. Дверь лифта открылась, и она уже была готова войти туда, когда ее взгляд упал на лифтера.

Это был тот самый человек, которого она видела в саду возле своего дома. В испуге Бетина попятилась. Дверь закрылась, и лифт стал подниматься. Но через несколько секунд он, сорвавшись, полетел вниз и все, кто был в нем, погибли.

В ближайшее воскресенье Бетина пошла в церковь.

«Боже милостивый, я не знаю, что со мной происходит, и мне страшно. Прошу Тебя, направь меня и скажи, что Ты хочешь от меня?»

Ответ она получила той же ночью во сне. Голос произнес единственное слово: «Посвящение».

Она думала об этом всю ночь и наутро пошла к священнику. Он внимательно выслушал ее.

– О! Тебе посчастливилось быть избранной. Тебя избрал сам Господь.

– Для чего избрал?

– Желает ли ты посвятить свою жизнь Господу, дитя мое?

– Я... я не знаю. Мне страшно.

Но в конце концов она ушла в монастырь.

«Я выбрала правильный путь, – думала преподобная мать Бетина, – потому что я никогда не испытывала большего счастья...»

И вот теперь это раздавленное судьбой дитя говорило ей: «Мне страшно».

Преподобная мать взяла Грасиелу за руку:

– Не спеши, Грасиела. Бог не оставит тебя. Подумай хорошенько и приходи, тогда мы обсудим это.

Но о чем ей было думать? «Мне в этом мире некуда идти, – подумала Грасиела. – А тишина принесла бы мне долгожданный покой. Я слышала слишком много ужасных звуков». Взглянув на преподобную мать, она сказала:

– Я с радостью приму безмолвие.

Это было семнадцать лет назад, с тех пор Грасиела впервые обрела умиротворение. Ее жизнь была посвящена Богу. С прошлым ее больше ничего не связывало. Ей были прощены все те ужасы, среди которых она росла. Она – невеста Христа, и в конце жизни она придет к Нему.

Годы проходили в глубоком безмолвии, и, несмотря на мучившие ее время от времени ночные кошмары, ужасные звуки постепенно стирались из ее памяти.

Сестре Грасиеле было поручено работать в саду, где она ухаживала за цветами – чудом Господнего творения.

Они были похожи на крошечные радуги, и Грасиела не уставала любоваться их красотой.

Высокие стены монастыря, возвышаясь каменными горами, окружали ее со всех сторон, но Грасиела никогда не чувствовала себя в заточении. Его стены ограждали ее от того ужасного мира, мира, который она не хотела больше видеть.

Жизнь Грасиелы в монастыре была спокойной и умиротворенной. Но вдруг теперь ее жуткие кошмары стали реальностью. В ее мир вторглись варвары. Они выгнали ее из тихого пристанища в тот мир, от которого она навсегда отреклась. Вновь все ее грехи обрушились на нее, вселяя в нее ужас. Вернулся Мавр. Она чувствовала на своем лице его горячее дыхание. Сопrotивляясь, Грасиела открыла глаза. Монах, навалившись на нее, пытался овладеть ею, повторяя:

– Не брыкайся, сестра. Тебе понравится!

– Мама! – закричала Грасиела. – Мама! Помоги!

Глава 7

Лючия Кармине шла по улице с Миган и Терезой и чувствовала себя прекрасно. Было необыкновенно приятно вновь надеть женскую одежду и почувствовать, как тонкий шелк ласкает кожу. Она взглянула на сестер. Не успевшие привыкнуть к новым нарядам, они шли в каком-то напряжении и выглядели неловкими и смущенными. «Словно свалились с другой планеты. Они явно сюда не вписываются, – думала Лючия. – С таким же успехом можно было идти, повесив на себя табличку: «Вот она я, ловите меня»».

Из трех женщин хуже всего чувствовала себя сестра Тереза. Тридцать лет монастырской жизни приучили ее к скромности во всем, а теперь все коверкалось обрушившимися на нее событиями. Мир, в котором она когда-то жила, теперь казался ей ненастоящим. Настоящим был монастырь, и она стремилась вернуться в это убежище под защиту его высоких стен.

Шедшая рядом Миган ощущала на себе взгляды мужчин и краснела. Она так долго жила среди женщин, что ей было непривычно даже видеть мужчин, не говоря уже об адресованных ей улыбках. В этом было что-то нескромное, неприличное и в то же время волнующее. Мужчины пробуждали в Миган давно похороненные чувства. Впервые за много лет она чувствовала себя женщиной.

Они шли мимо уже знакомого им бара, из него вырывались громкие звуки музыки. Как брат Каррильо назвал ее? «...рок-н-ролл. Он сейчас очень популярен среди молодежи». Что-то не давало ей покоя. И Миган неожиданно поняла что. Когда они проходили мимо кинотеатра, монах сказал: «Просто возмутительно, что сейчас разрешается показывать в кинотеатрах. Этот фильм – настоящая порнография. Все самое сокровенное и интимное выставлено на всеобщее обозрение».

Сердце Миган тревожно застучало. Если брат Каррильо провел в монастыре последние двадцать лет, то откуда он тогда узнал о рок-н-ролле и о том, что это был за фильм? Что-то здесь не то.

Повернувшись к Лючии и Терезе, она решительно сказала:

- Нам надо вернуться в магазин.

Увидев, что Миган, развернувшись, побежала назад, они быстро последовали за ней.

Грасиела, прижатая к полу, отчаянно царапалась и отбивалась от Каррильо, пытаясь освободиться.

- Лежи ты спокойно! Черт бы тебя побрал! - Он тяжело дышал.

Услышав какие-то подозрительные звуки, он поднял глаза. Последнее, что он помнил, был занесенный над его головой каблук туфли.

Подняв дрожащую Грасиелу, Миган обняла ее:

- Ну-ну. Все в порядке. Он больше тебя не тронет.

Прошло некоторое время, прежде чем Грасиела смогла говорить.

- Он... он... на этот раз это была не моя вина, - с мольбой в голосе сказала она.

В магазин вошли Лючия и Тереза. Лючии одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что произошло.

- Подонок!

Она посмотрела на лежавшего на полу без сознания полугололого человека. Не теряя времени, Лючия, схватив с прилавка несколько ремней, крепко стянула Мигелю Каррильо руки за спиной.

- Свяжи ему ноги, - сказала она Миган.

Миган принялась за дело. Наконец Лючия поднялась, с удовлетворением глядя на свою работу.

– Ну вот. Теперь, когда магазин днем откроют, ему придется объяснить, что он здесь делал. – Она внимательно посмотрела на Грасиелу: – С тобой все в порядке?

– Я... да. – Она попыталась улыбнуться.

– Нам лучше поскорее уйти отсюда, – сказала Миган. – Одевайся. Быстрее.

Когда они уже собрались уходить, Лючия сказала:

– Подождите-ка.

Она подошла к кассе и нажала одну из кнопок. Внутри было несколько сотен песет. Забрав деньги, она взяла с прилавка кошелек и положила их в него. Заметив осуждающий взгляд Терезы, Лючия сказала:

– На это надо смотреть иначе, сестра. Если бы Господу было не угодно, чтобы у нас оказались эти деньги, Он бы их туда не положил.

Они сидели в кафе и разговаривали.

– Нам нужно как можно быстрее передать крест монастырю в Мендавии, – говорила сестра Тереза. – Там мы все будем в безопасности.

«Кроме меня, – подумала Лючия. – Моя безопасность – в швейцарском банке. Но всему свой черед. Сначала мне нужно заполучить этот крест».

– Монастырь в Мендавии находится к северу отсюда, так ведь?

– Да.

– Те люди будут разыскивать нас по всем городам. Так что ночь мы проведем сегодня в горах.

«Никто ее там не услышит, даже если она поднимет крик».

Официантка принесла меню. Сестры начали изучать его, и на их лицах отразилось некоторое замешательство.

И тут Лючия поняла. В течение стольких лет они были лишены возможности что-либо выбирать. В монастыре они покорно ели ту нехитрую еду, которую им давали. А теперь столкнулись с длинным списком незнакомых блюд.

Первой заговорила сестра Тереза:

– Я... Мне, пожалуйста, кофе и хлеб.

– Мне тоже, – сказала сестра Грасиела.

– У нас впереди долгий трудный путь, – сказала Миган. – Я предлагаю заказать что-нибудь посытнее, например яйца.

Лючия посмотрела на нее удивленными глазами. «А эта непроста. С ней нужно быть поосторожнее», – подумала она, а вслух сказала:

– Сестра Миган права. Давайте я вам сама закажу, сестры.

Она выбрала апельсины, tortillas de patatas, бекон, горячие булочки, джем и кофе.

– У нас мало времени, – предупредила она официантку.

В половине пятого, по окончании сиесты, город начинал просыпаться. Она хотела убраться отсюда до того, как в магазине найдут Мигеля Каррильо.

Когда принесли еду, сестры продолжали сидеть, уставившись на нее.

– Угощайтесь, – поторопила их Лючия.

Они принялись есть, сначала робко, затем с удовольствием, взявшим верх над чувством вины.

Единственной, кто испытывал трудности, была сестра Тереза. Откусив кусочек, она сказала:

– Я... я не могу. Это отказ от принципов.

– Сестра, ты же хочешь добраться до монастыря? – заметила сестра Миган. – Тогда тебе нужно есть, чтобы поддерживать в себе силы.

– Хорошо, – натянуто ответила сестра Тереза, – я поем, но, клянусь, безо всякого удовольствия.

– Хорошо, сестра. Ешь, – сказала Лючия, едва сдерживаясь от смеха.

Когда они поели, Лючия расплатилась по счету деньгами, взятыми из кассы магазина, и они вышли под жаркое солнце. Улицы оживали, начинали открываться магазины. «Сейчас Мигеля Каррильо уже, наверное, нашли», – подумала Лючия.

Лючия и Тереза торопились покинуть город, но Грасиела и Миган шли медленно, замороженные городскими видами, звуками и запахами. И только когда они вышли за город и направились к горам, Лючия почувствовала облегчение. Они шли строго на север, поднимаясь все выше, медленно преодолевая гористый рельеф. Лючию так и подмывало спросить сестру Терезу, не хочет ли та дать ей понести свою ношу, но она побаивалась, что любое неосторожное слово вызовет у той подозрение.

Когда они выбрались на маленькую полянку, окруженную деревьями, Лючия предложила:

– Мы можем переночевать здесь, а утром продолжим свой путь к монастырю в Мендавии.

Поверив ей, все одобрительно кивнули.

Солнце медленно катилось по синему небу, на полянке было тихо, и только ласковые звуки лета нарушали эту тишину. И вот наступила ночь.

Женщины улеглись на зеленую траву недалеко друг от друга.

Прислушиваясь к воцарившейся тишине, Лючия лежала и ждала, пока все уснут, чтобы начать действовать.

Сестре Терезе никак не спалось. Она испытывала странное чувство от того, что лежит под звездами в окружении других сестер. Теперь они обрели имена, лица и голоса, и она боялась, что Бог накажет ее за эти запретные знания. Она чувствовала себя ужасно потерянной.

Сестре Миган тоже было трудно уснуть. Она все еще была под впечатлением от событий дня. «Как я догадалась, что монах был мошенником? – размышляла она. – И как это у меня хватило смелости спасти сестру Грасиелу?» Она улыбнулась, не в силах удержаться, чтобы хоть немножечко не гордиться собой, зная при этом, что гордыня является грехом.

Измотанная выпавшим на ее долю испытанием, Грасиела спала. Она металась и ворочалась во сне, спасаясь от преследователей, гнавшихся за ней по темным, длинным и нескончаемым коридорам.

Лючия Кармине неподвижно лежала в ожидании. Пролежав так около двух часов, она тихо поднялась и направилась в темноте к сестре Терезе. Она возьмет сверток и скроется.

Приблизившись к сестре Терезе, она увидела, что монахиня не спала, а стояла на коленях и молилась. «Проклятие!» Лючия поспешно удалилась.

Она вновь улеглась, пытаясь набраться терпения. Не может же сестра Тереза молиться всю ночь. Должна же она лечь спать.

Лючия продумывала свой план. Денег, взятых в кассе, ей хватит для того, чтобы автобусом или поездом добраться до Мадрида. Там будет несложно найти ростовщика. Она уже видела себя входящей в ломбард и протягивающей ему золотой крест. Ростовщик наверняка заподозрит, что он украден, но это не важно. Найдется много желающих приобрести его.

«- Я дам вам за него сто тысяч песет.

- Скорее я себя продам.

- Сто пятьдесят тысяч песет.

- Я лучше расплавлю его и вылью в сточную канаву.

- Двести тысяч песет. Это мое последнее предложение.

- Вы просто безбожно грабите меня, но я согласна.

Ростовщик нетерпеливо потянется за ним.

- Но при одном условии, - добавит она.

- Условию?

- Да. Мой паспорт куда-то подевался. Не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы мне помочь с паспортом? - При этом золотой крест все еще будет у нее в руках.

Немного помедлив, ростовщик скажет:

- У меня есть один знакомый, он может помочь».

И дело сделано. Она уже на пути в Швейцарию - к свободе. Она вспомнила, что говорил ей отец: «Там денег столько, что тебе хватит на десять жизней».

Ее глаза стали закрываться. День был долгим. В полудреме Лючия услышала, как в далеком городке зазвонил церковный колокол. Он навеял на нее

воспоминания о другом месте, о другом времени...

Глава 8

Таормина, Сицилия, 1968

Каждое утро ее будил звон далеких колоколов церкви Сан-Доменико, находившейся высоко в Пелоританинских горах, окружавших Таормину. Ей нравилось просыпаться медленно, томно, по-кошачьи, потягиваясь. Она не открывала глаза, зная, что сейчас вспомнит что-то очень приятное. «Что же это?» Вопрос приятно дразнил ее, и она отгоняла его, не желая быстрого ответа, стремясь растянуть удовольствие. И вот она уже охвачена радостью осознания: она – Лючия Мария Кармине, дочь Анджело Кармине, а этого было достаточно, чтобы сделать счастливым кого угодно на земле.

Они жили на большой сказочной вилле, где слуг было больше, чем могла сосчитать пятнадцатилетняя Лючия. Каждое утро телохранитель отвозил ее в школу в бронированном лимузине. Она росла среди самых красивых нарядов и самых дорогих игрушек во всей Сицилии, что вызывало зависть у ее школьных друзей.

Но главной гордостью в жизни Лючии был ее отец, самый красивый в мире мужчина. Он был невысоким, крепким, с мужественным лицом и жгучими, излучавшими силу карими глазами. У него было два сына – Арнальдо и Виктор, – но больше всех Анджело Кармине обожал свою дочь. И Лючия боготворила его. Когда священник в церкви говорил о Боге, Лючия при этом всегда думала о своем отце.

По утрам он подходил к ее кровати и говорил:

– Пора вставать в школу, *faccia d'angelo*, Ангельское Личико.

Конечно, это не соответствовало истине. Лючия знала, что в действительности не была красавицей. «Я привлекательна, – думала она, придирчиво изучая себя в зеркале. – Да, я скорее яркая, чем красивая». В зеркале отражалась юная

девушка с овальным лицом, кремовой кожей, ровными белыми зубами, упрямым подбородком – не слишком ли упрямым? – с чувственными пухлыми губами – не слишком ли пухлыми? – и темными пронизательными глазами. Но если ее лицо немного и недотягивало до того, чтобы считаться красивым, то тело восполняло это в более чем достаточной степени. Уже сформировавшееся к пятнадцати годам тело Лючии было полно женственности, которую подчеркивали округлости упругой груди, тонкая талия и бедра, чувственно и зовуще покачивавшиеся при ходьбе.

– Похоже, нам придется рано выдать тебя замуж, – шутил отец. – Скоро ты будешь сводить парней с ума, моя маленькая дева.

– Я хотела бы выйти замуж за такого, как ты, папа, но таких нет.

Он смеялся.

– Не беспокойся. Мы найдем тебе принца. Ты родилась под счастливой звездой, и когда-нибудь ты узнаешь, каково быть в объятиях мужчины.

Лючия вспыхивала.

– Да, папа.

На самом деле с мужчиной она не была только последние двенадцать часов. Бенито Патас, один из ее телохранителей, всегда спал в ее постели, когда отец уезжал из города. Занятия любовью с Бенито в своем собственном доме добавляли остроты ощущениям, поскольку Лючия знала, что отец убьет их обоих, если обнаружит, чем они занимаются.

Бенито было за тридцать, и ему льстило то, что юная красавица, дочь всемогущего Анджело Кармине, избрала именно его стать ее любовником.

– Я не обманул твоих ожиданий? – спросил он, впервые побывав в ее постели.

– Нисколько, – выдохнула Лючия, – наоборот.

И при этом подумала: «Конечно, он не так хорош, как Марио, Тони или Энрико, но уж точно лучше Роберта и Лео». Она не могла вспомнить имена всех остальных.

В тринадцать лет Лючия почувствовала, что уже достаточно долго сохраняла девственность. Перебирая своих знакомых, она решила осчастливить Паоло Костелло, сына личного врача Анджело Кармине. Паоло было семнадцать, рослый и сильный, он был футбольной звездой в школе. Лючия безумно влюбилась в него с первого взгляда. Она ухитрялась попадаться ему на глаза как можно чаще. Паоло и в голову не приходило, что их частые «случайные» встречи были тщательно спланированы. Он относился к хорошенькой юной дочери Анджело Кармине как к ребенку. Но однажды жарким августовским днем Лючия решила, что не может больше ждать. Она позвонила Паоло:

– Паоло, это Лючия Кармине. Мой отец хотел бы кое о чем с тобой поговорить, и он просил узнать, сможешь ли ты встретиться с ним сегодня днем в нашей бильярдной.

Паоло был удивлен и польщен одновременно. Он благоговел перед Анджело Кармине, но даже и не думал, что всемогущий мафиози вообще знает о его существовании.

– Я с удовольствием приду, – сказал Паоло. – В какое время он хотел бы меня видеть?

– В три часа.

Время сиесты, когда все вокруг будут спать. Бильярдная стояла на отшибе, в дальнем конце их просторных владений, а отца в городе не было. Абсолютно никакого риска, что им помешают.

Паоло появился в точно назначенный час. Калитка, ведущая в сад, была открыта, и он пошел прямо к бильярдной. Остановившись у закрытой двери, он постучал.

– Синьор Кармине?

Ответа не последовало. Паоло посмотрел на часы. Осторожно открыв дверь, он вошел. В комнате было темно.

- Синьор Кармине?

К нему двинулась какая-то тень.

- Паоло...

Он узнал голос Лючии.

- Лючия, я ищу твоего отца. Он здесь?

Она подошла ближе, настолько близко, что Паоло увидел: она была абсолютно голой.

- Боже! - У него перехватило дыхание. - Какого?..

- Я хочу быть твоей.

- Сумасшедшая! Ты же еще ребенок. Я ухожу.

Он пошел к двери.

- Иди-иди. А я скажу своему отцу, что ты меня изнасиловал.

- Нет, ты не сделаешь этого.

- Уходи! И потом узнаешь.

Он остановился. Если Лючия исполнит свою угрозу, то - Паоло нимало не сомневался - его дальнейшая судьба предрешена. Для начала его кастрируют.

Он вернулся к Лючии в надежде образумить ее.

- Лючия, дорогая...

- Мне нравится, когда ты называешь меня «дорогая».

- Нет, послушай меня, Лючия. Все это очень серьезно. Твой отец убьет меня, если ты скажешь ему, что я тебя изнасиловал.

- Знаю.

Он решил сделать еще одну попытку:

- Мой отец будет опозорен. Вся моя семья – обесчещена.

- Знаю.

Безнадежно.

- Что ты от меня хочешь?

- Хочу, чтобы ты сделал то, о чем я тебя просила.

- Нет. Это невозможно. Если твой отец узнает, он убьет меня.

- И если уйдешь, он тебя убьет. Как видишь, у тебя нет выбора.

Он испуганно посмотрел на нее:

- Но почему я, Лючия?

- Потому что я влюблена в тебя, Паоло!

Взяв его руки, она осторожно положила их себе на бедра.

- Я – женщина. Дай же мне почувствовать это.

В тусклом свете Паоло видел холмики ее груди с упругими сосками и мягкие волосы, темневшие между ног.

«Боже! – подумал Паоло. – Что же остается мужчине делать?»

Она подвела его к кушетке и помогла снять брюки. Затем, встав на колени, она прикоснулась губами к его напрягшемуся члену... «У нее уже есть опыт», – мелькнула мысль. И когда он лег на нее, все глубже погружаясь в ее лоно, ощущая, как крепко ее руки обвились вокруг него и как жадно приникли к нему ее бедра, он подумал: «Боже, она восхитительна».

Лючия была на вершине блаженства. Казалось, она была рождена для этого. Она интуитивно знала, что и когда следует делать, чтобы доставить удовольствие им обоим. Все ее тело пылало. Словно взлетая все выше и выше, она постепенно приближалась к оргазму и, когда наконец почувствовала его, громко вскрикнула от охватившей ее радости. Тяжело дыша, они, уставшие, продолжали еще некоторое время лежать.

Наконец Лючия заговорила.

– Завтра в это же время, – сказала она.

Когда Лючии исполнилось шестнадцать лет, Анджело Кармине решил, что его дочери пора посмотреть мир. Под присмотром престарелой тетушки Розы Лючия провела школьные каникулы на Капри, Искьи, в Венеции, Риме и в дюжине других мест.

– Ты должна быть культурной девушкой, не как твой отец-крестьянин. Путешествие расширит твой кругозор. На Капри тетя Роза покажет тебе картезианский монастырь Святого Иакова, виллу Сан-Мишель и палаццо а Маре...

– Хорошо, папа.

– В Венеции есть базилика Святого Марка, Дворец дождей, церковь Сан-Джорджо и Академический музей.

- Да, папа.

- Рим - это мировая сокровищница. Там ты должна посетить Ватикан, базилику Санта-Мария Маджиоре и, конечно же, галерею Боргезе.

- Конечно.

- А Милан! Ты должна сходить в консерваторию на концерт какой-нибудь знаменитости. Для тебя и тети Розы я закажу билеты в «Ла Скала». Во Флоренции ты сходишь в Музей искусств и дюжину других музеев и церквей.

- Да, папа.

Тщательно разработав свой маршрут, Лючия ухитрилась не посетить ни одной из этих достопримечательностей. Тетушка Роза настаивала на ежедневной сиесте и на том, чтобы они рано ложились спать.

- Тебе тоже надо отдыхать, детка.

- Конечно, тетя Роза.

И вот в то время, как тетя Роза спала, Лючия танцевала, каталась в carrozza с запряженной в нее лошадкой, украшенной перьями и в шляпе; развлекалась со студентами в Марина Пиккола; выезжала на пикники в Багни ди Тиберио и поднималась на фуникулере вверх на Анакапри, где, познакомившись с группой французских студентов, отправилась веселиться с ними в пьядца Умберто I.

В Венеции красивый гондольер пригласил ее в дискобар и рыбак взял ее с собой на рыбалку в Чиоджу. А тетюшка Роза все спала.

В Риме Лючия пила вино из Апулии и перебивалась во всех известных незаурядных ресторанах типа «Марте», «Раньери» и «Джиджи Фази».

Где бы Лючия ни оказывалась, она всегда находила маленькие неприметные бары и ночные клубы с романтичными мужчинами приятной наружности, думая при этом: «Дорогой папочка был, как всегда, прав. Путешествие расширило мой кругозор».

В постели она научилась говорить на нескольких языках. «Так учить языки гораздо приятнее, чем на школьных занятиях».

Вернувшись домой в Таормину, она поделилась с одной из своих ближайших подруг: «Я разгуливала голой по Неаполю, напилась в Салерно, кайфовала во Флоренции, трахалась в Лукке».

Сама Сицилия была удивительным местом, островом греческих храмов, римских и византийских амфитеатров, соборов, арабских бань и швабских замков.

Палермо открылся Лючии как город, полный шума и веселья, ей очень нравилось бродить по Калсе – старому арабскому кварталу и ходить в «Опера дей Пупи» – кукольный театр. Но любимым местом для нее оставалась родная Таормина. Это был город-картинка, расположенный на холмах вдоль побережья Ионического моря, с которых открывался замечательный вид. Город был полон салонов одежды и ювелирных магазинов, баров и красивых старых площадей, кафе и роскошных гостиниц, как, например, «Экселсиор палас» и «Сан-Доменико».

Извилистая дорога, ведущая от морского порта Наксос, была узкой, крутой и опасной, и, с тех пор как в день пятнадцатилетия Лючии подарили машину, она ездила по ней, нарушая все существовавшие правила движения, но ни разу не была остановлена карабинерами. В конце концов, она же была дочерью Анджело Кармине.

Для достаточно смелых или достаточно глупых людей, кто интересовался Анджело Кармине, он занимался недвижимостью. И это в какой-то мере соответствовало истине, поскольку семья Кармине владела виллой в Таормине, домом на озере Коме в Черноббио, замком в Гштааде, квартирой в Риме и большой фермой в окрестностях Рима. Но так уж случилось, что Кармине занимался еще и другим, более увлекательным бизнесом. Он был владельцем дюжины публичных домов, двух казино, шести кораблей, которые доставляли кокаин с его колумбийских плантаций, и ряда других прибыльных предприятий и к тому же имел немалый доход от ростовщичества. Анджело Кармине был одним из главарей сицилийских мафиози, и то, что он жил безбедно, было в порядке вещей. Пример его жизни вдохновлял других, являясь согревающим сердце доказательством того, что бедный сицилийский крестьянин, если он честолюбив и тверд в достижении цели, может стать богатым и преуспевающим.

Кармине начинал посыльным у мафиози, когда ему было двенадцать лет. К пятнадцати годам стал рэкетиrom у местных «акул», в шестнадцать он уже убил первого человека и почувствовал в себе уверенность. Вскоре после этого он женился на матери Лючии Анне. В течение нескольких последующих лет он добрался по шаткой служебной лестнице до самого верха, оставив позади цепочку трупов своих врагов. Он заметно изменился, а Анна как была, так и продолжала оставаться простой крестьянкой, на которой он когда-то женился. Она родила ему троих прекрасных детишек, этим и ограничился ее вклад в жизнь Анджело. И, словно понимая, что ей не осталось больше места в семейной жизни, она покорно умерла, сделав это достаточно тактично, стараясь не доставлять своим близким много хлопот.

Арнальдо и Виктор занимались бизнесом вместе с отцом, и Лючия с детства любила подслушивать их разговоры, от которых у нее захватывало дыхание, слушать истории о том, как они, обставляя своих противников, брали над ними верх. Отец казался Лючии доблестным рыцарем. Ей не виделось ничего дурного в том, чем занимался он и ее братья. Напротив, они помогали ближним. Раз людям нравилось играть в азартные игры – зачем чинить им препятствия в виде каких-то глупых законов? Если люди получали удовольствие от секса за деньги, почему же не помочь им в этом? А как благородно было со стороны ее отца и братьев давать займы людям, отвергнутым жестокими банкирами! В глазах Лючии ее отец и братья были образцовыми гражданами. И доказательством тому служил круг их друзей. Раз в неделю Анджело Кармине устраивал на своей вилле грандиозные обеды. Какие люди собирались за столом Кармине! Среди гостей бывали мэр и члены муниципалитета, судьи, кинозвезды и оперные знаменитости, частенько захаживали шеф полиции и высшие церковные иерархи. А несколько раз в году своим появлением честь оказывал сам губернатор.

Лючия жила идиллической жизнью, среди красивых нарядов и украшений, автомобилей и слуг, в окружении всемогущих друзей. И вдруг однажды в феврале, в день ее двадцатитрехлетия, все неожиданно оборвалось.

Все началось довольно безобидно. На виллу к ее отцу пришли два человека. Одним из них был его друг – шеф полиции, другой – подчиненный ему лейтенант.

– Простите, падроне, – начал шеф полиции извиняющимся тоном, – по настоянию комиссара мне придется выполнить одну глупую формальность. Тысяча

извинений, падроне, но не будете ли вы так любезны проехать со мной в полицейский участок? Я позабочусь о том, чтобы вы вернулись домой вовремя и праздник в честь дня рождения вашей дочери не был бы омрачен.

– Конечно, – великодушно ответил Кармине. – Человек должен выполнять свой долг. – Он улыбнулся. – Этот новый комиссар, назначенный президентом, похоже, усерден, как бобер, так, кажется, говорят американцы, а?

– Боюсь, что да, – со вздохом сказал шеф полиции. – Однако не стоит беспокоиться. Мы-то с вами видели, что эти «бобры» как приходят, так и уходят, не правда ли, падроне?

Посмеявшись, они уехали в полицейский участок.

В тот день Анджело Кармине так и не вернулся домой к празднику. Не вернулся он и на следующий день. Он так больше и не вернулся в свои владения. Ему было предъявлено обвинение, состоявшее из сотни пунктов, в числе которых значились убийства, торговля наркотиками, содержание притонов, поджоги и множество других преступлений. В поручительстве ему было отказано. Полицейская сеть накрыла всю преступную организацию Кармине. Он рассчитывал на то, что его мощные связи на Сицилии помогут ему опровергнуть предъявленные обвинения, но вместо этого его среди ночи отвезли в Рим и поместили в тюрьму «Регина Коэли», печально известную «царицу ночи». Он оказался в маленькой камере с решетками на окнах, батареей, койкой и дыркой вместо туалета. Это было возмутительно! Подумать только – так его унижить!

Поначалу Кармине был уверен, что Томмазо Конторно, его адвокат, позаботится о том, чтобы его немедленно выпустили.

Когда Конторно пришел к нему в тюрьму, Кармине набросился на него в посетительской:

– Они закрывают мои публичные дома и мой наркобизнес, разнюхали про то, как отмываются деньги. Кто-то болтает. Найдите его и принесите мне его язык.

– Не волнуйтесь, падроне, – заверил его Конторно, – мы найдем.

Но оптимизм адвоката оказался преждевременным. Ради безопасности свидетелей прокуратура упорно отказывалась называть их имена до начала суда.

За два дня до начала процесса Анджело Кармине и других членов мафии перевели в «Ребиббиа приджионе» – тюрьму с усиленной охраной в двенадцати милях от Рима. Находившийся неподалеку зал суда был укреплен подобно бункеру. Сто шестьдесят обвиняемых членов мафии были доставлены туда в цепях и наручниках по подземному тоннелю и помещены в тридцать клеток из стали и пуленепробиваемого стекла. Вооруженная охрана была расставлена внутри и снаружи зала суда, и наблюдателей обыскивали у входа.

Когда Анджело Кармине ввели в зал, его сердце запрыгало от радости: он увидел, что судьей был Джованни Бускетта, человек, состоявший в течение последних пятнадцати лет на службе у Кармине и частенько бывавший у него в гостях. Теперь Кармине наконец-то был уверен в том, что справедливость восторжествует.

Суд начался. Анджело Кармине рассчитывал на omerta – сицилийский кодекс молчания. Но, к его величайшему изумлению, главным свидетелем обвинения оказался не кто иной, как Бенито Патас, его телохранитель. Патас работал на семью Кармине много лет и пользовался таким доверием, что ему разрешалось присутствовать на собраниях, где обсуждались конфиденциальные вопросы бизнеса, и поскольку вся деятельность, связанная с этим бизнесом, была противозаконной с точки зрения полиции, Патас располагал обширной информацией. Арестовав Патаса через несколько минут после того, как он убил и изуродовал труп нового приятеля своей любовницы, полиция пригрозила ему пожизненным заключением, и Патасу пришлось согласиться помочь полиции выдвинуть обвинение против Анджело Кармине в обмен на смягчение собственного приговора. И вот Анджело Кармине, не веря своим ушам, сидел и слушал, как Патас выдавал сокровеннейшие тайны семейства Кармине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/sidni-sheldon/peski-vremeni-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)